

Интеграционный мониторинг эстонского общества 2011

.....

Резюме

Интеграционный мониторинг эстонского общества 2011

Резюме

Составители

AS Egor, Центр политических исследований Praxis, Тартуский университет

KULTUURIMINISTEERIUM

Показу

Министерства культуры

Авторы

Марью Лауристин, Эста Каал, Лаура Кирсс, Таня Кригер, Ану Массо,
Кирсти Нурмела, Кюллики Сеппель, Тийт Таммару, Майу Уус, Пеэтер
Вихалемм, Трийн Вихалемм, Мария Юферева

ISBN 978-9949-9274-0-1

Содержание

Цель, методика и содержание исследования	6
Наиболее важные изменения согласно интеграционным исследованиям за 2011 и 2008 год	7
Реализация и успешность интеграционного процесса в целевых группах	8
Сфера образования	10
Сфера рынка труда	12
Сфера языкового обучения, развития языковой среды и языкового вовлечения	15
Аспект причастности и идентичности при интеграции	17
Развитие гражданского общества	19
Этнокультурная идентичность как фактор, содействующий интеграционным процессам, и принятие ее во внимание в интеграционной деятельности	21
Медийное потребление, информированность, получение информации	22
Межнациональные контакты, готовность к контактам и отношение к доступу к формированию политики	25
Сценарии развития интеграционного процесса	26

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1 .	Описание совокупных индексов, примененных при создании интеграционных кластеров	30
Приложение 2. Рисунок 1.	Оценки эстонцами утверждений о вовлечении представителей других национальностей	31
Приложение 2. Рисунок 2.	Какое образование Вы желаете получить для себя / своим детям / своим внукам?	31
Приложение 4. Рисунок 3.	Детский сад какого типа в Эстонии Вы считаете наилучшим с точки зрения будущего детей?	32
Приложение 5. Рисунок 4.	Какие из приведенных ниже изменений повлияли на Вашу карьеру во время экономического кризиса? (2008–2010)	32
Приложение 6. Рисунок 5.	Как Вы относитесь к ситуации, если бы Вам пришлось работать или учиться в коллективе, боль шинство в котором составляют русские / эстонцы?	33
Приложение 7. Рисунок 6.	В течение последних 12 месяцев пополняли ли Вы свои связанные с профессией / работой навыки и знания?	33
Приложение 8. Рисунок 7.	Оценка знания эстонского языка жителями с иным родным языком в 2000–2010	34
Приложение 9. Рисунок 8.	Собственная оценка знаний аглийского, эстонского и русского языка в возрастных группах	35
Приложение 10. Рисунок 9.	Наличие представителей других национальностей в кругу знакомых эстонцев; наличие эстонцев в кругу знакомых представителей групп этнических национальных меньшинств в 2000 и в 2011 годах	36
Приложение 11. Таблица 1	Насколько хорошо Вы проинформированы	36
Приложение 12. Таблица 2.	Люди с русским и иным родным языком: “Владеете ли Вы эстонским языком в достаточной степени, чтобы читать на нем газеты, следить за радио- и телевизионными передачами?”	37
Приложение 13. Таблица 3.	Люди с русским и иным родным языком: “Представьте ситуацию, что по всем медиа-каналам проходит дискуссия на тему ситуации с русскоязычными школами Эстонии и их дальнейшего развития. Насколько Вы будете доверять тому, что говорят на различных каналах?”	37
Приложение 14. Таблица 4.	В какой степени Вы согласны с представленными ниже утверждениями? (% ответивших “Полностью согласен”)	38

ЦЕЛЬ, МЕТОДИКА И СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках интеграционного мониторинга за 2011 г. исследовались преобладающие в обществе настроения и типы поведения, а также социальная адаптация через призму интеграции. Целью исследования было определить важные сферы и целевые группы интеграции и предложить полученные сведения к использованию при составлении новой государственной интеграционной программы (2014–2020).

Исследование проводилось в двух частях: статистически репрезентативный опрос по всей Эстонии (1400 респондентов в возрасте от 15 до 74 лет, 607 эстонцев и 802 представителя других национальностей) и качественный опрос в формате фокус-групп. Всего беседы в фокус-группах были проведены в пяти различных более узких целевых группах, связанных с интеграционным процессом: новые иммигранты, представители гражданских объединений, работники Кассы по безработице и лица, занимающиеся проектами в области рынка труда, представители работодателей, учителя обществоведения в школах с русским языком обучения.

В нескольких более ранних исследованиях подчеркивалось, что иммигрантов и их потомков нельзя рассматривать в качестве гомогенного субъекта интеграции. Данное исследование призвано описать шесть основных целевых и заинтересованных групп интеграционной политики, исходя из их нынешнего положения и возможных траекторий развития в случае положительного и отрицательного сценария. Более ранние иммигранты сгруппированы в соответствии со степенью интегрированности в различных сферах (политико-правовая, языковая сфера и участие в общественной жизни). Анализ групп или интеграционных кластеров позволяет получить достаточное представление о различных результатах осуществленных на данный момент интеграционных процессов и создать стратегии на будущее. Отдельно рассматриваются стратегии адаптации людей, прибывших в Эстонию после 1991 г. – новых иммигрантов. В исследовании выделены наиболее важные региональные особенности интеграционных процессов.

В дополнение к анализу целевых и заинтересованных групп был проведен анализ ситуации в различных сферах. Анализы по сферам распределены в соответствии с тремя аспектами интеграционных процессов: человеческое измерение, причастность и идентичность, а также информационное пространство и социальные связи как на уровне поведения, так и на уровне взглядов.

В случае **человеческого измерения**, иными словами, вопросов образования, рынка труда, языковой практики и готовности к мобильности, критерием послужило применение и развитие навыков и знаний людей в качестве залога устойчивости их субъективного качества жизни, а так же жизнестойкости общества.

С точки зрения **причастности и идентичности** был проведен анализ и представлены предложения в сфере гражданства, политического поведения, гражданских объединений, чувства этнокультурной принадлежности и соответствующей практики. В данном случае в качестве приоритета рассматривалось активное участие членов общества в социальной жизни и возникновение чувства «мы», способствующего увеличению социальной солидарности и принятию общих ценностей.

В рамках **аспекта информационного пространства и социальных связей** рассматривались практики медийного потребления, а также доверие, непосредственные межнациональные контакты и готовность допускать «других» в частное и общее/общественное пространство как в прямом (например, многонациональный класс), так и в переносном смысле. В данном случае преследуемой целью является возникновение общего коммуникативного пространства, позволяющего обществу функционировать, и доступ членов общества к коммуникационной среде и средствам.

НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОГЛАСНО ИНТЕГРАЦИОННЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ ЗА 2011 И 2008 ГОД

- С точки зрения индекса интеграции, т.е. показателя, измеряющего совокупность уровней языковой, правовой и политической интеграции, процент принадлежащих к другим национальностям умеренно, сильно и полностью интегрированных жителей Эстонии остался прежним и составляет приблизительно 61 %. Процент интегрированных в большой степени в 2008 г. составил 27,5 %; теперь этот показатель соответствует 32 %. В то же время процент совершенно неинтегрированных жителей вырос с 7,5 % в 2008 до 13 % в настоящий момент. Таким образом различия между группами русскоязычных жителей увеличились.
- В период экономического кризиса **увеличились различия в трудовой занятости по национальному признаку**. Различия с точки зрения безработицы между эстонцами и людьми других национальностей стали более существенными, чем в докризисные годы; также увеличилось различие по национальности процента людей, работающих на постоянной основе (в 2007 и 2010 г. среди эстонцев соответственно 96 % и 90 %, среди людей других национальностей соответственно 95 % и 84 %).
- **Ожидания русскоязычной части населения в отношении образования** в определенной степени прояснились: **увеличилась ориентированность на профессиональное и высшее образование**. В настоящее время почти 26 % респондентов с родным русским языком сами хотят получить или чтобы их ребенок (дети) получил(и) по меньшей мере профессиональное образование (в 2008 году 12 %); высшее образование в 2008 г. хотели получить 38 %, в настоящий момент 50 % респондентов, родным языком которых является русский или иной негосударственный язык. Процент людей, ориентированных на получение высшего профессионального образования, понизился.
- **Также среди русскоязычной части населения увеличилось предпочтение эстоноязычного высшего образования**. Если в 2008 г. 19 % респондентов с русским или иным родным языком назвали эстонский язык предпочтительным языком для получения высшего образования, в 2011 г. их количество выросло до 26 %. Уменьшился процент респондентов, считавших, что язык обучения вообще не является важным фактором при получении высшего образования. Процент людей, предпочитающих высшее образование на базе русского и иностранного языка, остался прежним.
- **Увеличился «социальный заказ» в отношении эстоноязычного дошкольного образования**. Если в 2008 для 59 % лиц с русским или иным родным языком наиболее предпочтительным был вариант, при котором все дети без ограничений воспитываются в общем эстоноязычном детском саду, где для детей других национальностей присутствуют няни, владеющие их родным языком, то в 2011 г. процент таких респондентов составил 65 %. В 2008 г. детские сады, разделенные по языковому признаку, поддерживали 32 %, в настоящий момент 28 % респондентов с русским или другим родным языком.
- **У жителей Эстонии с неопределенным гражданством увеличилось желание получить эстонское гражданство**. Если в 2008 г. только 51 % респондентов с неопределенным гражданством отметили, что хотели бы получить эстонское гражданство, то на данный момент их число увеличилось до 64 %. Данные показатели все еще значительно ниже уровня 2005 г., когда гражданство Эстонии хотели получить 74 % жителей с неопределенным гражданством, но общая тенденция является положительной. По сравнению с 2008 г. сократилось число лиц, не желающих вообще никакого гражданства (с 16 % до 6 %).
- **У жителей Эстонии с неопределенным гражданством увеличилось чувство принадлежности к народу Эстонии** в понимании Конституции. На вопрос: «В Конституции зафиксировано, что власть в Эстонском государстве принадлежит народу. Считаете ли Вы, что Вы принадлежите к народу в понимании Конституции?» в 2008 г. «да» ответили 34 % жителей Эстонии с неопределенным гражданством; в 2011 г. их процент вырос до 52 %. Позиции представителей других национальностей, имеющих эстонское гражданство, практически не изменились (членами демоса в 2008 г. чувствовали себя 67 %, в настоящее время 65 %).
- **Возросло чувство родины, признание Эстонии как единственной родины**. Если в 2008 г. своей родиной Эстонию считали 66 % граждан Эстонии других национальностей, то в 2011 г. их процент составлял 76 %. Среди жителей Эстонии с неопределенным гражданством соответствующие показатели составляли 48 % (2008) и 68 % (2011) и среди граждан России 20 % (2008) и 38 % (2011).

- **Отношение эстонцев к вовлечению русскоязычной части населения стало немного более положительным.** Если в 2008 году 64 % эстонцев были скорее согласны с утверждением «Вовлечение неэстонцев в управление экономикой и государством Эстонии принесет Эстонии пользу», то в 2011 г. процент согласившихся с данным утверждением составил 70 %. Если в 2008 г. 59 % эстонцев были скорее согласны со следующим утверждением: «Необходимо лучше знать и в большей степени считаться с мнением русскоязычной части населения, так как они являются частью эстонского общества», то в 2011 г. процент согласившихся составил 66 %.
- **По сравнению с опросом 2008 г. в значительной степени понизилось чувство неравенства среди представителей других национальностей.** Оно измерялось при помощи вопроса «Сталкивались ли Вы за последние несколько лет с ситуацией, в которой какому-либо человеку было отдано предпочтение при принятии на работу или распределении должностных мест или определенных благ по причине национальности или родного языка?» В 2011 г. 20 % представителей других национальностей сталкивались с неравным обращением, причем 20 % из них, по их словам, сталкивались с такой ситуацией неоднократно. В 2008 г. соответствующие показатели составляли 49 % (сталкивался) и 24 % (неоднократно).
- **Оценка лиц с русским или иным родным языком собственного знания эстонского языка** (понимание, устная речь, чтение, письмо) **немного повысилась по сравнению с 2005 г.**
- **Межнациональные контакты выросли, но не в равной степени:** число людей, общающихся с эстонцами, среди представителей других национальностей увеличилось, а соответствующее число эстонцев осталось прежним. По данным опроса, приблизительно 45 % эстонцев практически не сталкивались в течение одного месяца с представителями других национальных групп, 27 % утверждают, что в их ближайшем круге знакомств представители других национальностей отсутствуют. Среди представителей других национальностей 20 % не общались с эстонцами в течение одного месяца; эстонцев в ближайшем круге знакомств нет у 12 % опрошенных. Среди эстонцев число людей, у которых в течение последнего месяца отсутствовали вышеупомянутые контакты, по сравнению с 2008 г. скорее увеличилось (тем не менее, изменение находится в рамках статистической погрешности 4 %). Контакты представителей других национальностей с эстонцами скорее расширились (в 2008 г. ни одного контакта в течение одного месяца не было у 33 % опрошенных; в 2011 г. лишь у 20 %) и участились (частые контакты в 2008 г. имели место у 30 % и в 2011 г. у 43 % опрошенных).
- **Оценка русскоязычной части населения собственной информированности о событиях в своем месте жительства, в Эстонии и в Европейском союзе немного увеличилась.** Хорошо информированными о событиях в Эстонии себя считают 79 % опрошенных (в 2008 г. соответствующий показатель составил 70 %); о событиях в Европейском союзе – 58 % по сравнению с 45 % в 2008 г.

РЕАЛИЗАЦИЯ И УСПЕШНОСТЬ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА В ЦЕЛЕВЫХ ГРУППАХ

В интеграционном мониторинге за 2008 г. была сконструирована модель «хорошо интегрированного неэстонца» — натурализовавшегося гражданина, хорошо владеющего эстонским языком, чувствующего себя частью эстонского народа, тесно общающегося с эстонцами и ориентированного на успешность Эстонии.

Для выяснения различных уровней интегрированности авторы исследования составили **общий индекс, измеряющий уровень языковой, правовой и политической интергированности.** При составлении индекса суммировались положительные значения следующих признаков:

- наличие гражданства ЭР,
- признание Эстонии как своей единственной родины,
- ощущение себя членом конституционного народа Эстонии,
- владение эстонским языком.

Сравнение на основе данного индекса результатов опросов за 2008 и 2011 г. с точки зрения распределения опрошенных представителей других национальностей по их степени интегрированности (схема 1) показало, что общий процент интегрирован-

ных и неинтегрированных лиц за период с 2008 по 2011 г. не изменился. Процент лиц, интегрированных в значительной или средней степени, составил 61 %, процент лиц, неинтегрированных совершенно или интегрированных слабо – 38 %. В то же время увеличился процент крайних показателей шкалы: количество совершенно неинтегрированных увеличилось в два раза (7,5 % в 2008 г. и 13,2 % сейчас). Также увеличилось количество сильно интегрированных лиц: в 2008 г. их было 27,5 %; в настоящий момент их общее число составляет 32 % (8 % из них, в свою очередь, можно считать совершенно интегрированными).

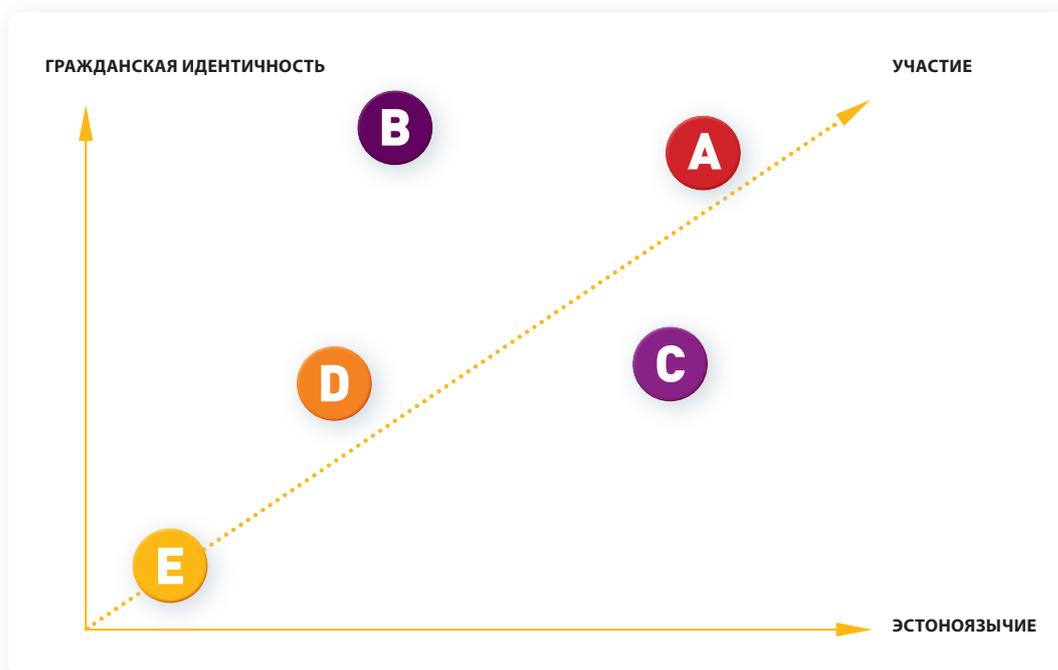
Схема 1.

Распределение опрошенных представителей других национальностей на основании интеграционного индекса в 2008 и 2011 г

В интеграционном мониторинге за 2011 г. интегрированность измерялась на еще более глубоком уровне, были созданы индексы, определяющие три измерения интегрированности (языковое, политическое и социальное) (расчет индекса приведен в Приложении 1), и на основании полученных данных был осуществлен кластерный анализ. В результате комбинирования значений трех указанных индексов при помощи кластерного анализа были получены так называемые интеграционные кластеры, которые описывают пять различных интеграционных моделей. Образованные кластеры описывают как различные степени, так и измерения интегрированности. Расположение кластеров по отношению друг к другу и в трех измерениях интегрированности представлено графически на схеме 2. Кластер А «успешно интегрированные» описывает одинаково сильную интегрированность во всех измерениях, к данной группе относится 21 % опрошенных. Кластер В построен вокруг сильного гражданского отношения, т.е. выражает сильную интегрированность в политико-правовом измерении, но в то же время более слабую языковую интегрированность. К этому кластеру принадлежит 16 % опрошенных, в анализе такая группа людей характеризуется как «русскоязычный патриот Эстонии». Кластер С состоит из лиц с хорошим знанием языка, но слабой гражданской идентичностью, к нему принадлежат 13 % респондентов. Так как для представителей данной группы характерно критическое отношение как к эстонской, так и российской политике и превышающее уровень средней активности альтернативное политическое участие (общественные собрания, пикеты, обсуждения и сбор подписей в интернете и т.д.), данная группа именовалась в исследовании как «эстоноязычные критически настроенные». Кластер D состоит из «слабо интегрированных» лиц и описывает в основном группу респондентов с неопределенным гражданством и слабым знанием языка, но принимающих активное участие в местной жизни. К этой группе согласно анализу принадлежит 28 % респондентов. Кластер E – «неинтегрированные» – в основном включает в себя пожилых респондентов, имеющих российское гражданство (22 %).

Схема 2. Расположение интеграционных кластеров на интеграционном поле с тремя измерениями.

На основе приведенного анализа далее представлены основные политические рекомендации по различным сферам и основным целевым и заинтересованным группам (кластерам).

СФЕРА ОБРАЗОВАНИЯ

Данный мониторинг, а также более ранние исследования среди преподавателей школ с русским языком обучения выявили определенную пассивность, безразличие или в некоторых случаях даже сознательное сопротивление изменениям в образовательной сфере, в первую очередь, в связи с их недостаточной **вовлеченностью в процесс проведения реформы гимназий**. Вовлечение школ и учителей должно охватывать не только в узком плане проводимые в настоящее время со школами переговоры по вопросам учебных программ и объема предметов, преподаваемых на эстонском языке, но и непосредственное пояснение сущности целей комплексных изменений в сфере образования. Понимание перехода на эстонский язык обучения в контексте комплексных изменений в сфере образования было бы важным в случае более критических групп школ и учителей, до сих пор оставшихся на заднем плане. При этом важно, чтобы пояснительная работа проходила бы в открытой и направленной на сотрудничество атмосфере, а не в виде нисходящей коммуникации, которая до сих пор вызывала сопротивление у части преподавателей.

С точки зрения перехода на эстонский язык обучения, значительные опасения вызывает аспект усвоения знаний по предметам на другом языке. На основании проведенных ранее исследований, изучающих мнение учителей, можно констатировать, что одной из причин опасения может быть односторонний характер **методик обучения**. Опасения вызывает также ощущаемое недостаточное умение **справляться с многоязычным и мультикультурным классом**. Более ранние исследования также показали, что если существующие курсы обучения в достаточной мере охватывают дидактику преподавания конкретного предмета или эстонского языка, то «культурный перевод», то есть умение пояснить ученикам культурные особенности, было охвачено недостаточно. Иными словами, **интегрированное преподавание предмета и языка** предполагает в значительной степени большую интерактивность при применении конкретных методик обучения. Помимо курсов обучения применение информационно-коммуникационных технологий поспособствовало бы повышению интерактивности деятельности на уроке, интегрированному преподаванию предмета и языка, а также улучшило бы функционирование сети общения между учителями.

В ходе данного исследования была выявлена еще одна важная проблемная сфера: различие между возможностями получения образования среди различных языковых групп, а также необходимость **диверсифицировать возможности выбора в сфере образования**. С одной стороны, необходимость связана с получением высшего образования и подготавливающего к нему образования на уровне гимназии. Диверсификация возможностей в сфере образования обеспечена эстонцам, помимо прочего, благодаря поддержке со стороны частного сектора и различных учреждений (например, основные школы, гимназии и сады, предлагающие частное образование), но для русскоязычной части населения альтернативы государственным унифицированным решениям зачастую отсутствуют. Потенциальные возможности включают в себя решения на уровне местных самоуправлений и сотрудничество между школами.

С другой стороны, согласно данному исследованию, **ожидания** в отношении диверсификации возможностей в сфере образования **были связаны с дошкольным образованием**. Эта необходимость связана с тем обстоятельством, что введение **обучения на эстонском языке ожидается значительно раньше, чем на запланированном в государственной программе уровне гимназии**. Таким образом, можно констатировать, что государственные меры и индивидуальные ожидания/потребности обратно пропорциональны, пришло время развернуть «движущуюся в обратном направлении» реформу перехода на эстоноязычное обучение на уровне гимназии таким образом, чтобы возможности выбора в сфере образования с точки зрения языка и культуры были бы обеспечены и на более ранних ступенях образования. Это в свою очередь, помимо принятия во внимание структурных потребностей (например, открытие эстоноязычных или двуязычных групп в русскоязычных детских садах по причине спада рождаемости), предполагает и принятие во внимание языковых и культурных особенностей.

Часть заключений и рекомендаций представлены в отчете по интеграционным кластерам, иными словами, по различным **целевым и заинтересованным группам интеграционной политики**.

Успешно интегрированные (кластер А). Данная группа по сравнению с другими немного более открыта в отношении школьного языка обучения, т.е. выражает желание получить основное и высшее образование на эстонском языке. С другой стороны, «успешно интегрированные» респонденты немного чаще считали возможной для себя или для своих детей гимназию с частичным или полным обучением на английском языке. Таким образом, для данной группы более важным представляется высокое качество образования, а не язык обучения. Хорошей поддержкой для этой группы могла бы стать региональная школа с углубленным изучением русского или иного языка (например, в Таллинне, Тарту), которая также предоставила бы хорошую возможность и повысила мотивацию для получения дальнейшего образования в Эстонии.

Русскоязычный патриот (кластер В). Так как к этому кластеру с высокой гражданской идентичностью принадлежат не молодые люди, а, в первую очередь, их родители, бабушки и дедушки, важно вовлечь их в школьную жизнь, в том числе в граждановедение, через попечительские советы и различные возможности сотрудничества.

Эстоноязычные критически настроенные (кластер С). С точки зрения предпочтений в сфере образования, данная группа похожа на предыдущую, так как входящие в нее лица предпочитают получать образование (как на уровне гимназии, так и высшее образование) на эстонском языке. Наиболее сильная поддержка эстоноязычной гимназии по сравнению с другими группами может быть связана с достаточно хорошим уровнем языковой подготовки. Опасным признаком данной группы является слабая гражданская идентичность и сравнительно распространенное желание уехать из Эстонии. Обществоведение на эстонском языке, которое в большей степени сосредоточено на заучивание терминов и тем на эстонском языке, может создать элемент формальности и вызвать протест и недоверие со стороны учеников. **Вместо формального так называемого учения о государстве необходимо сместить акцент учебных средств, подготовки учителей и разработки методик в направлении гражданского воспитания**, которое должно предполагать большее количество возможностей для диалога и самовыражения. Необходимо со всей серьезностью взвесить развитие молодежной политики, которая сконцентрировалась бы на развитии навыков активного гражданина.

Слабо интегрированные (кластер D). В отличие от предыдущих кластеров данную группу характеризуют немногим более ограниченные возможности выбора в сфере образования. Последний аспект, например, выражается в более распространенной среди представителей этого кластера оценки, что они, вероятно, не смогут получить образование на уровне гимназии. Предпочтение отдается образованию на родном языке (в основном на уровне основного и высшего образования). Такие результаты, с одной стороны, говорят о необходимости более сильного преподавания эстонского языка и лучшего ознакомления с существующими для молодых людей в Эстонии возможностями образования уже на уровне основной школы, а с другой

стороны — о необходимости диверсификации возможностей двуязычного или русскоязычного профессионального образования и курсов повышения квалификации. В контексте образования в течение всей жизни при расширении возможностей обучения для представителей данной группы среднего и более зрелого возраста нельзя ограничиваться узким обучением в рамках рынка труда, но необходимо подумать и об обучении эстонскому языку, культуре, истории и природе Эстонии, учитывая, что данная группа составляет поколение родителей, бабушек и дедушек школьников, которые по причине ограниченного контакта с эстонцами, отсутствия доверия, ограниченных мнений в сфере образования и направленных на Россию медийных предпочтений могут создать дома негативный противовес школьному гражданскому и ценностному воспитанию.

Неинтегрированные (кластер E). Образовательные возможности данной группы также являются более ограниченными, так как, по оценке самих членов группы, они могут и не достичь образования на уровне гимназии. По аналогии с общей тенденцией представители данного кластера выражают желание получить высшее образование, но, как и представители «слабо интегрированной» группы, в первую очередь, на родном языке. Аналогично предыдущему кластеру такие результаты говорят о необходимости создания возможностей получения русскоязычного или двуязычного профессионального образования.

Новые иммигранты готовы отправить своих детей в эстоноязычные детские сады и школы. Таким образом, в любом случае необходимо начать с обучения педагогов и ассистентов учителей дошкольного образования работе в мультикультурных группах, о чем уже говорилось выше. Также необходимо оказывать большую поддержку целевой группе в основных школах, гимназиях и университетах и организовывать для заинтересованных групп курсы обучения в сфере культурных различий, ценностей и коммуникативных особенностей. Представители целевой группы выразили удовлетворенность финансируемыми Целевым учреждением интеграции и миграции «Наши люди» (MISA) курсами адаптации для новых иммигрантов, и эту деятельность необходимо расширить. Основной акцент курсов должен быть на изучении культурных различий, ценностей, коммуникативных особенностей, а также на тренингах по поиску информации и общению с чиновниками и т.д.

СФЕРА РЫНКА ТРУДА

Неэстонцы как целевая группа рынка труда не являются гомогенной группой риска, к которой можно было бы применить общие решения. Они представляют собой очень разнообразную целевую группу **с различными потребностями и проблемами в сфере рынка труда**. По этой причине не существует универсальных решений, подходящих для всех представителей, и необходимо разработать комбинации услуг и мер, которые наилучшим образом соответствовали бы потребностям целевой группы.

С точки зрения рынка труда, существует два основных круга проблем. Во-первых, более ограниченные по сравнению с эстонскими ровесниками возможности занять позиции руководителей и ведущих специалистов у **молодых и образованных** людей с родным русским языком. Второй круг проблем связан с долговременными безработными, большинство которых является «синими воротничками» и принадлежит к индустриальному сектору, а также с проблемами их занятости (нехватка рабочих мест в Ида-Вирумаа, нахождение работы). Во время экономического кризиса безработица, а также другие изменения на рынке труда затронули, в первую очередь, именно их и в непропорционально большей степени, чем эстонцев (в том числе, например, сокращение рабочего времени, принудительный отпуск и т.д.).

Проблемой, которая характеризует все целевые группы, является вопрос знания языка на разных уровнях (владение языком на начальном уровне, овладение языком на высоком уровне). В сочетании с другими проблемами рынка труда возникает потребность в комбинировании услуг и мер: только языкового обучения, как правило, недостаточно для решения проблем рынка труда. В связи с низким уровнем владения языком постоянной проблемой также является недостаточная информация о возможностях на рынке труда (в том числе информация об услугах рынка труда, правах в рамках индустриальных отношений, а также информация о том, какая рабочая сила требуется на рынке труда, информация о получении образования).

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПОЛИТИКИ РЫНКА ТРУДА БОЛЬШЕГО ВНИМАНИЯ ТРЕБУЮТ СЛЕДУЮЩИЕ ЦЕЛЕВЫЕ ГРУППЫ.

A. Молодые люди в возрасте от 15 до 29 лет (22 % всех жителей с другим родным языком). В этом случае важны возможности применения знаний и навыков на рынке труда, т.е. молодым необходимо обеспечить качественное и доступное консультирование по вопросам профессиональной деятельности (в том числе на русском языке). Также важен вопрос овладения эстонским языком уже в школе или параллельно с получением высшего образования для того, чтобы полученное

образование не осталось бы без применения на рынке труда по причине незнания языка. Желание уехать из страны у молодых людей с другим родным языком выше, чем соответствующее желание у эстоноязычных респондентов — 9 % молодых с родным русским языком хотели бы навсегда уехать из Эстонии (среди молодых людей с эстонским родным языком этот процент составляет лишь 4 %). Оптимизм в отношении нахождения работы за границей выше, чем у представителей других возрастных групп. Желание молодых людей уехать из страны в основном связано с лучшими возможностями в иностранных государствах, а также с желанием расширить кругозор и обрести новый опыт. **Кроме того, доступ к возможностям образования у молодых людей с другим родным языком более ограничен, чем у эстоноязычных молодых людей, что может еще в большей степени усилить их желание покинуть страну.**

В. Мужчины с другим родным языком. На эту целевую группу экономический кризис оказал наибольшее влияние: на пике экономического кризиса уровень безработицы достиг 35 %. В то же время, их уровень безработицы также быстро упал. Если эта тенденция продолжится, может возникнуть опасность, что безработица будет непропорционально высокой среди женщин с другим родным языком, в случае которых изменения уровня безработицы происходили медленнее, быстрых перемен не наблюдалось (в том числе с точки зрения снижения уровня безработицы). Необходимо сочетать различные меры рынка труда, в том числе консультации по вопросам выбора карьеры. В случае данной целевой группы основным вопросом является открытость различным альтернативным возможностям рынка труда и закрепившиеся стереотипы в выборе карьеры.

С. Безработные старшего среднего возраста (51 % безработных с другим родным языком). Часто проблемой является **доступ к курсам повышения квалификации и профессиональной переподготовки в сочетании с развитием владения языком.** Также необходимо консультирование по вопросам карьерных возможностей и психологическое консультирование (преодоление барьеров в связи с обучением, выбором новых специальностей), доступная информация о потребностях рынка труда и возможностях обучения. **Необходимо наличие вызывающих доверие консультантов, знающих особенности данной целевой группы** и их проблемы: дополнительное обучение для консультантов в сфере специфических заинтересованных групп и базовые знания психологии и специфики консультирования.

Д. Взрослые, не закончившие школу (с основным образованием до 16 % жителей с другим родным языком). Проблема заключается в сочетании недостаточного образования и знания языка. Важно найти гибкие решения для получения образования параллельно с работой, а так же с возможностями изучения языка.

Часть интеграционной программы, посвященная социальным и экономическим вопросам, была составлена в период экономического роста, когда не все проблемы рынка труда были очевидны. По этой причине интеграционная программа нуждается в доработке, а также требует дифференцированного национального и регионального подхода. В настоящее время интеграционная программа сосредоточена на языковых вопросах и в меньшей степени на дополнительном обучении. Тем не менее, важно обращать внимание на комбинирование различных мер, учитывая потребности целевых групп, и на успешность применения такого комбинирования. Также необходимо учитывать новые запланированные интеграционные меры (в частности, в связи с новым периодом выделения средств из структурных фондов), например, консультации по вопросам профессионального роста, меры рынка труда, ориентация в информационном обществе (это предполагает не планирование отдельных мер именно для целевой группы с другим родным языком, а принятие интеграционного аспекта во внимание при планировании и применении мер).

Успешно интегрированные (кластер А). Группа трудоустроенных лиц с более высоким статусом. Часть представителей кластера А может, тем не менее, нуждаться в различных возможностях обучения эстонскому языку на высоком уровне для того, чтобы участвовать в конкуренции за достижение более высоких позиций рынка труда. В остальном их положение на рынке труда не отличается от соответствующего положения эстоноязычной части населения (в том числе безработица, участие в курсах обучения).

Русскоязычный патриот (кластер В). По причине недостаточного владения эстонским языком важен доступ к обучению. В данной группе акцент ставится не столько на начальном языковом обучении, сколько на практическом обучении языку в контексте рынка труда. Данную группу также характеризует старший средний и пенсионный возраст; по этой причине необходимо обратить внимание на проблему девальвации знаний и навыков, т.е. возможности применения приобретенных знаний и навыков на современном рынке труда. Также необходим доступ к курсам повышения квалификации и профессиональной переподготовки, который является более ограниченным, чем у респондентов с эстонским родным языком,

но все же превышает средний уровень доступа среди опрошенных с другим родным языком. Уровень безработицы аналогичен общему уровню группы жителей с другим родным языком, но является более высоким, чем соответствующий уровень среди эстонцев.

Эстоноязычные критически настроенные (кластер С). В данной группе уровень безработицы выше, чем соответствующий уровень среди опрошенных с эстонским родным языком; по этой причине предоставление услуг рынка труда имеет большое значение. В то же время процент желающих покинуть Эстонию как с целью воспользоваться лучшими возможностями (в том числе зарплатой) за границей, так и по причине желания личного и профессионального роста в этой группе наиболее высокий. В то же время участие в курсах повышения квалификации в данной группе столь же высоко, как и в группе успешно интегрированных жителей, т.е. сопоставимо с эстоноязычными респондентами. Важны возможности самореализации и доступ на рынок труда (активные меры рынка труда, учитывающие проблемы целевой группы). В данном случае основной проблемой является языковой вопрос, но важны и другие обстоятельства (например, возможности на рынке труда для синих воротничков, необходимость профессиональной переподготовки).

Слабо интегрированные (кластер D). Безработица среди представителей данной группы выше, чем среди представителей других групп. Большую часть группы составляют квалифицированные рабочие из Ида-Вирумаа; по этой причине проблематичными в данной группе стали масштабные сокращения на производственных предприятиях за последние годы. Необходим системный подход, принимающий во внимание и проблемы безработных, и региональные особенности: стратегию развития Ида-Вирумаа (коллективные решения, т.е. вовлечение работодателей и профсоюзов). По сравнению с другими группами представители этой группы имеют меньший доступ к курсам обучения. Поэтому необходимо обратить внимание на возможности дополнительного обучения и профессиональной переподготовки. Конкуренцию рынку труда в Ида-Вирумаа составляет Россия (строители и т.п.), таким образом, более активные работники могут направиться в Россию, и в регионе останутся менее инициативные работники и неактивные на рынке труда долговременные безработные.

Неинтегрированные (кластер E). Проблемы и решения для более молодых представителей кластера схожи с проблемами и решениями для представителей кластера D. Безработица в данной группе наиболее высокая, а доступ к обучению наиболее низкий (что связано с тем, что большую часть представителей кластера составляют пенсионеры).

Новые иммигранты. Проблемы с нахождением работы тесно связаны с недостаточным знанием языка и отсутствием круга друзей и знакомых для оказания поддержки. Ценность наличия работы определяется не столько с точки зрения материальных благ и аспекта выживания, сколько с точки зрения важности ощущать себя «человеком» в обществе. Поначалу в данном случае было бы достаточно простой работы, которая не соответствует полученному образованию, но может способствовать социальной интеграции и освоению языка, и таким образом улучшить самооощущение и повысить самоуверенность в новой среде. Незнание эстонского языка влияет на поиск работы с самого начала, т.к. невозможно получить, принять и понять информацию на государственном языке. Оно также влияет на принятие участия в курсах обучения и профессиональной переподготовки, так как многие курсы ведутся на эстонском языке. Таким образом, решения, описанные выше для кластера D, также актуальны и в случае новых иммигрантов, необходимо обращать внимание на возможности дополнительного обучения и профессиональной переподготовки в сочетании с развитием языковых навыков.

Большой проблемой при поиске работы является недостаточная информированность и нехватка информации. Нехватка информации связана с более ограниченной доступностью информации как от государства, органов местных самоуправлений, так и из связанных с различными проектами источников, отсутствует информация на иностранном языке (русском, английском) или она очень скудна. На домашних страницах учреждений в интернете могли бы быть краткие англоязычные версии, также необходимы информационные брошюры (нужные контакты и ссылки на организации, к которым можно обратиться для решения различных проблем или вопросов). С точки зрения общения с людьми, важна эмпатия и уважение со стороны чиновников.

Несмотря на то что интернет считается наиболее предпочтительным каналом информации, об электронных услугах им известно мало. Новые иммигранты ожидают получить через электронные каналы большее количество информации о возможностях и условиях трудоустройства и предпринимательства, а также о возможностях обучения и предоставления и рассмотрения ходатайств/документов электронным путем. Зачастую соответствующие возможности существуют, но их использованию препятствует незнание эстонского языка (т.е. отсутствуют англоязычные инструкции, переводы и т.п.).

СФЕРА ЯЗЫКОВОГО ОБУЧЕНИЯ, РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ И ЯЗЫКОВОГО ВОВЛЕЧЕНИЯ

Возможности общения на эстонском языке тесно связаны со структурными факторами (рынок труда, сфера образования, географическая сегрегированность), контакты в публичной сфере поверхностны и не развивают знания языка. Существует необходимость в новых и более **гибких материалах и методах обучения, адаптированных к различным целевым группам**. Знание языка на высоком уровне необходимо для того, чтобы возможности кандидатов достигнуть позиции специалистов высшей квалификации соответствовали возможностям эстоноязычной части населения. В настоящее время анализы исследований в сфере рынка труда демонстрируют, что молодые люди с русским или другим родным языком представлены на высших позициях рынка труда (руководители, специалисты высшей квалификации) в меньшей степени, чем эстонцы, несмотря на наличие гражданства и знание эстонского языка, и это несоответствие будет нивелировано только лишь при очень хороших навыках устного и письменного языка.

Таким образом, **люди, стремящиеся достичь высоких позиций на рынке труда, нуждаются в возможностях развития языковых навыков на высоком уровне (языковой коррекции), в сущности, менторской системе. Для этого необходимо подготовить учителей, способствовать созданию свободно-образовательных систем (например, языковых клубов, менторских систем на рабочих местах и т. п.). Как подготовку учителей, так и создание системы поддержки можно инициировать на уровне государства и обеспечить четкой установкой на то, чтобы предложение на рынке соответствовало спросу.**

В связи с реформой гимназий изменились и потребности обучения учителей. **Развитие языковых навыков у учителей могло бы проходить в сочетании с развитием коммуникативных навыков и навыков управления группами и процессами, что позволило бы им лучше справляться с организацией учебной работы в классе с учениками, имеющими различные уровни владения эстонским языком.** Обучение учителей является частью интеграционной программы, но оно требует определенной конкретизации. Несмотря на то, что у более молодых возрастных групп лучшие навыки владения эстонским языком, знание языка не улучшается автоматически при смене поколений. Система образования достаточно инертна, и структурные факторы (разобоченность в образовании, на рынке труда и географическая разобоченность) не обеспечивают достаточного для языковой практики «давления среды». По этой причине молодые люди и в дальнейшем будут являться целевой группой мероприятий в рамках языковой интеграции. В случае данной группы существует прекрасная возможность использовать формальную систему образования.

Ниже приведены выводы и рекомендации по целевым и заинтересованным группам.

Успешно интегрированные (кластер А). Эта группа могла бы в первую очередь функционировать как заинтересованная группа, которая может не только служить положительным примером, но и учителем-ментором для других групп, в первую очередь, для кластера В. В языковом обучении и формировании престижа языка до сих пор применялся в основном обретенный опыт (так называемые истории успеха) и в меньшей мере — непосредственное практическое консультирование, например, по вопросам методов изучения языка. Данная целевая группа также может нуждаться в языковой коррекции на высоком уровне (см. выше).

Русскоязычный патриот (кластер В). Необходимо развивать активные навыки языка, то есть возможности языковой практики посредством дополнительного обучения, образования по интересам, деятельности, осуществляемой через общественные организации. Так как значительная часть представителей данной группы живет в Ида-Вирумаа, способствовать продвижению языкового обучения могло бы применение информационно-коммуникационных технологий и межрегиональных проектов.

Эстоноязычные критически настроенные (кластер С). Группа хорошо адаптирована в языковом плане, но у ее представителей может отсутствовать достаточная мотивация говорить на эстонском языке, и они могут общаться со своими эстоноязычными ровесниками, например, на английском языке.

Слабо интегрированные (кластер D). Навыки эстонского языка являются существенным препятствием к интеграции этой группы. Действующая более 20 лет система языкового обучения не дала в их случае ощутимых результатов, и на данный момент эта ситуация в определенном смысле зафиксировалась, т.е. **социальные практики усиливают и воспроизводят себя.** Для выхода из «заколдованного круга» необходимы более сильные внешние перемены. По всей вероятности, эта группа нуждается в специфическом адаптированном обучении языку. Учитывая тот факт, что значительная часть представителей этой группы безработные или заняты в промышленном секторе (где общения немного или где весь рабочий коллектив русскоязычный), **на рабочем месте языковые навыки не развиваются.** Большая часть этой группы уже находится за пределами формальной системы образования. По всей вероятности, большая часть целевой группы тяжело адаптируется и к тестовой контрольной системе. Для достижения минимальной языковой интегрированности этой группы необходимо **разработать специальную методику преподавания эстонского языка и соответствующую систему поддержки для людей с ограниченными возможностями обучения и практики, где большую роль будет также играть развитие социальных/коммуникативных навыков, психологическая поддержка и поощрение. Положительные результаты может также принести двуязычное обучение, например при подготовке к экзамену на гражданство, для того, чтобы учащиеся в первую очередь понимали суть, а не заучивали слова и фразы механически.**

Для **развития языковой компетенции** относящихся к данной группе **молодых людей наиболее эффективным способом является длительное нахождение в эстоноязычной среде,** например, посредством ученического обмена, летних практик и языковых лагерей. Так как материальные возможности целевой группы крайне ограничены, вышеупомянутые практики могут быть недоступными для семей, в связи с чем возникает необходимость продолжения использования и расширения существующих способов финансирования поддержки языкового обучения. Пополнение группы (и языковые барьеры) сократило бы повышение качества языкового обучения в рамках дошкольного, основного и профессионального образования в Ида-Вирумаа и Таллинне.

Неинтегрированные (кластер E). Из этой группы необходимо, в первую очередь, вывести молодых людей при помощи тех же средств и действий, что описаны в случае группы D.

Основные проблемы языкового обучения для **новых иммигрантов:**

- отсутствие адекватной информации о языковых курсах/языковом обучении. В данном случае важно обеспечить доступность информации через различные учреждения, занимающиеся новыми иммигрантами (прямое общение, информационные брошюры, интернет). Информация в интернете должна быть актуальной и адаптированной к целевым группам, а не в виде распространенной в настоящее время практики переводов выборки из полной эстоноязычной версии;
- изучать эстонский можно в основном на базе русского языка; финансируемые государством курсы эстонского языка на базе английского встречаются редко. Необходимость преподавания эстонского языка на базе английского на разных уровнях обучения существует в действительности. В настоящее время для повышения уровня знания языка и дальнейшего обучения необходимо финансирование со стороны новых иммигрантов, что является существенным препятствием при отсутствии работы. В данном случае необходимо разработать кредитные схемы. Важно также языковое обучение для специалистов высшего уровня квалификации, так как в противном случае рабочим языком во многих эстонских организациях может стать английский. Это касается и тех случаев, когда в команде работает, например, четыре эстонца и один новый иммигрант.

С географической точки зрения приоритетными являются Ида-Вирумаа и Таллинн, но потребности в этих регионах отличаются. В Таллинне в первую очередь (а затем и в других городах) необходимо развить систему языковой коррекции на высоком уровне и менторства, обучить учителей и менторов. В Ида-Вирумаа необходимо в первую очередь развить концепцию преподавания эстонского языка людям с ограниченными возможностями обучения и практики. Как в Таллинне, так и в Ида-Вирумаа существует необходимость инициировать и оказывать поддержку свободно-образовательным системам (например, языковым клубам, межнациональным контактам на уровне образования по интересам и гражданских объединений).

АСПЕКТ ПРИЧАСТНОСТИ И ИДЕНТИЧНОСТИ ПРИ ИНТЕГРАЦИИ

В течение многих лет при оценке эстонской интеграционной политики и общего демократического развития эстонского общества основной проблемой было большое число лиц без гражданства. На сегодняшний день процент лиц без гражданства сократился до 7 %. По данным регистра народонаселения, население Эстонии распределяется по принципу наличия гражданства следующим образом: 84 % являются гражданами Эстонии (53 % представителей других национальностей), 7 % – гражданами России (20 % представителей других национальностей), 2–3 % – гражданами других государств (7 % представителей других национальностей) и 7 % – это лица с неопределенным гражданством, иными словами, владельцы так называемых серых паспортов (20 % представителей других национальностей). Возможно, был достигнут более скромный результат, чем ожидалось, но по сравнению с ситуацией двадцатилетней давности прорыв был совершен, и гражданство Эстонии стало преобладающим.

Процесс натурализации в последние годы замедлился и продвигается в основном за счет выпускников школы. Проблемой, вызывающей наибольшее беспокойство, можно считать тот факт, что приблизительно пятая часть (19 %) молодых людей других национальностей в возрасте от 15 до 19 лет, родившихся, выросших и получивших образование в Эстонской Республике, не выбрали гражданство Эстонской Республики, причем 12 % из их числа предпочли гражданство России. Молодые люди постарше часто объясняют свой выбор нежеланием быть гражданами Эстонии по причине низкой репутации страны или из протеста против государственной политики. Такая ситуация требует процесса социализации в русскоязычных основных школах и гимназиях, в том числе качественного исследования гражданского воспитания и смены акцента его содержания с языка на ценности. Первостепенной задачей является четкое определение целей гражданского и ценностного воспитания на уровне основной школы и гимназии: система образования Эстонской Республики должна обеспечивать, чтобы у всех молодых людей Эстонии независимо от их национальности и происхождения к концу основной школы сформировалось желание и возможность вступить в жизнь или продолжить обучение, имея гражданство Эстонии, и государство должно четко выражать этот посыл и поддерживать его через учебную среду, учебные материалы, развитие подготовки учителей и ресурсы.

Наряду с проблемой выбора гражданства среди молодежи по-прежнему сохраняются, хотя и в менее острой форме, проблемы представителей средней и старшей возрастной группы, имеющих неопределенное гражданство или отдавших предпочтение гражданству России по причине высокого барьера прохождения экзамена на гражданство. Вопрос о том, создают ли этот барьер в первую очередь предубеждения и психологические препятствия или причиной является то, что применяемая методика не подходит людям с низкой способностью к обучению, требует дальнейшего изучения. Более подробно решения проблем данной целевой группы с «традиционной политикой гражданства» представлены в рекомендациях в сфере языка и образования.

С точки зрения возраста и образования граждане Эстонской Республики из числа эстонцев и лиц других национальностей достаточно похожи. В то же время внимание привлекают различия в уровне образования и возрасте между гражданами России и гражданами Эстонии других национальностей, а также лицами с неопределенным гражданством. Среди граждан России гораздо больше пожилых людей. Среди опрошенных граждан России и лиц с неопределенным гражданством гораздо меньше людей с высшим образованием и больше с профессиональным образованием по сравнению с гражданами Эстонии.

80 % вошедших в выборку мониторинга граждан Эстонской Республики были эстонцы, 17 % – русские, 1 % – украинцы, представители других национальностей в совокупности составили 2 %. Принимая во внимание в значительной степени увеличившуюся мультикультурность гражданского корпуса Эстонии, интеграционная политика должна еще больше концентрироваться на том, в какой степени в Эстонии по аналогии со старыми демократиями гражданам различных национальностей и имеющим различные родные языки обеспечить равные права для участия в общественной жизни. Предыдущие исследования, опираясь на анализ данных репрезентативных исследований рабочей силы, указывали на так называемый эффект классового потолка, который выражается в меньшей представленности молодых граждан другой национальности, имеющих высшее образование, на руководящих позициях и среди специалистов высшей квалификации по сравнению с эстонцами. Одним из способов решения этой проблемы могло бы быть поощрение таких граждан представлять свою кандидатуру на позиции

в государственном секторе, предлагая им при необходимости поддержку с точки зрения языковой коррекции на высоком уровне в виде соответствующей услуги или просто коллегиальной поддержки (положительный опыт такой практики имеется, например, в Министерстве иностранных дел).

Политическая активность русских и представителей других национальностей, а также их интерес к внутренней политике не сильно отличается от соответствующих показателей среди эстонцев. Наиболее прямой возможностью участия в политической жизни является участие в деятельности партий или их активной поддержке. Количество неопределившихся в своих партийных предпочтениях как среди эстонцев, так и среди неэстонцев составляет более трети (соответственно 36 % и 40 %). В то же время схема партийных предпочтений по национальностям различна, и если избиратель-эстонец принимает решение в рамках всего политического спектра, то практика русскоязычных избирателей до сегодняшнего момента была достаточно категоричной: не участвовать в выборах совсем или проголосовать за Центристскую партию; поддержка других партий, в том числе так называемых русских партий, не превышает нескольких процентов. **В течение последнего года такая схема начала размываться**, так как граждане русской и других национальностей начали искать на политической арене новые альтернативы для выражения своих интересов.

Согласно мониторингу, особенно молодые, более интегрированные и экономически успешные граждане русского и другого культурного происхождения стали испытывать интерес к другим партиям, ориентировавшимся до сих пор в основном на эстоноязычных избирателей. Для того чтобы преодолеть эту односторонность и **достичь плюрализма демократических позиций и выбора в русскоязычной части гражданского корпуса**, необходимо, чтобы все партии общались более интенсивно с русскоязычным населением, в результате чего так называемые эстонские партии стали бы уделять большее внимание собственной роли в интеграционной политике и стали бы **более открытыми и восприимчивыми к проблемам и мнениям русскоязычной части населения**. Это, разумеется, зависит от укрепления гражданской идентичности русскоязычного электората и его желания конструктивного участия в развитии эстонского общества и государства в целом. В связи с этим все партии могли бы взвесить идею о том, **чтобы направить средства на гражданское воспитание и продвижение демократических ценностей** в Ида-Вирумаа, Ласнамяэ и Маарду, уделяя особое внимание молодым людям этих регионов.

Основной задачей при решении описанных выше проблем является вовлечение представителей активных кластеров А, В и С в интеграционную политику в качестве субъектов, а не в качестве объектов.

Как было упомянуто выше, представителей **группы успешно интегрированных** (кластер А) **и русскоязычных патриотов Эстонии** (кластер В) характеризует наиболее сильная гражданская идентичность, и они направлены на активное участие. В их случае вопрос в большей степени заключается в том, чтобы создать условия для деятельности в качестве партнеров и инициаторов при реализации ценностного и гражданского воспитания и при усилении мотивации старшего поколения продолжать прикладывать усилия для получения эстонского гражданства. Будучи активными избирателями, представители обоих кластеров представляют интерес для всех партий; представители кластера А в особенности заинтересованы в выполнении амбициозных задач.

Кластер С, **состоящий в основном из молодых и протестно настроенных людей**, благодаря хорошему знанию эстонского языка является важной заинтересованной группой, которая может выступить в роли инициатора. В то же время половина относящихся к данному кластеру молодых людей не имеют эстонского гражданства и по этой причине сами являются важной целевой группой с точки зрения гражданского воспитания и работы с молодежью. Внимания заслуживает большая популярность зеленой идеологии у представителей данного кластера. Так как кластер включает в себя превышающий средний показатель процент людей с множественной культурной и государственной идентичностью, в их случае необходимо избегать наклеивания политических ярлыков и нормативного черно-белого подхода. Для выведения из замкнутого круга молодых людей из кластера А, а также их менее активных и успешных ровесников из кластеров D и E ни одно усилие не должно считаться чрезмерным, так как усиления и укрепления патриотических чувств, по всей вероятности, не предвидится и в случае более молодых возрастных групп.

Очень важно участие **молодежи из русских школ в молодежных организациях и центрах досуга наряду с эстонцами**. Также необходимо учитывать легко развивающуюся в случае нормативного давления протестную идентичность. Результаты принесет обучение культурному переводу и диалогу: **сопоставление эстонской, русской и западной культуры**, взгляд на новую исторически-территориальную, а не узкую эстоноориентированную перспективу.

Кластер слабо интегрированных (кластер D) в основном состоит из лиц с неопределенным гражданством, которые демонстрируют, тем не менее, средний уровень активности на местных выборах. Важен тот факт, что члены этой целевой группы хотели бы получить гражданство Эстонии, но 90 % ее представителей считают экзамен по эстонскому языку непреодолимым препятствием. По этой причине члены данной целевой группы нуждаются в специфической и психологически поощряющей подготовке (см. выше).

Неинтегрированные (кластер E) – это в основном лица с российским гражданством; к кластеру также относятся граждане Эстонии (17 %) и молодые люди (20 %), которых необходимо вывести из этой группы в первую очередь при помощи описанных выше мер рынка труда и сферы образования.

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Одной из целевых групп мер интеграционной политики также являются гражданские объединения.

Организованная русскоязычными жителями Эстонии гражданская инициатива может преследовать разные цели, о чем говорилось как в Концепции развития гражданского общества Эстонии, так и в Интеграционной программе Эстонии на 2008—2013 гг. С одной стороны, целью может служить укрепление положительной групповой идентичности меньшинства, лучшее понимание и решение характерных для различных групп проблем. С другой стороны, рост и организация гражданской инициативы неэстоноязычной части населения может служить возможным каналом сотрудничества с эстоноязычной частью населения.

Общей целью должно стать развитие гражданского общества и распределение его участников по темам и сферам интересов.

Результаты исследования дают основания полагать, что различия степени участия в общественных организациях среди групп гражданств сократились и стали практически несущественными. Более половины людей с русским или другим родным языком участвует в объединениях, рабочим языком которых является либо эстонский, либо эстонский и русский. По оценкам представителей зонтичных организаций Эстонии, этот факт необязательно означает, что участие в деятельности объединений дает возможность общения на эстонском языке. Скорее это означает, что объединения должны действовать в эстоноязычной среде и общаться с финансирующими организациями и учреждениями государственного сектора. Рассматривая общественную активность жителей в целом, эстонцы и русские в разной степени принимали участие в волонтерской работе. В данном случае наличие гражданства Эстонии также не является объединяющим фактором. Различия между группами молодежи разных национальностей с точки зрения участия в волонтерской работе также велики.

Для увеличения гражданской активности и участия в объединениях русских и лиц других национальностей зонтичные организации Эстонии необходимо более широко рассматривать как заинтересованные группы интеграционной политики. Их деятельность и применяемые ими методы способствуют повышению гражданской сознательности и активности иноязычной части населения. Занимающиеся реализацией Интеграционной программы Эстонии организации также могли бы вести полезное сотрудничество с **Целевым капиталом гражданского общества**, Союзом некоммерческих объединений и фондов Эстонии (EMSL), с проектом *Etnoweb* и другими объединениями, имеющими опыт разработки адаптированных к объединениям мер поддержки, направленных на повышение их дееспособности, а также усиления сотрудничества между организациями. К разработке мер интеграционной политики необходимо **привлечь эстоноязычные зонтичные, представительские организации и организации по защите интересов**, имеющие опыт участия в их деятельности представителей населения, родным русским или иным языком.

Наиболее **крупным зонтичным организациям необходимо предоставить поддержку для деятельности, направленной на постоянное распространение информации на русском и английском языке** в рамках их сферы и соответствующей целевой группы с целью ее вовлечения в работу объединения как в процесс формирования политики.

Требуется координирование содействия развитию русскоязычных организаций, например, задачей какой-либо опирающейся на государственную поддержку устойчивой зонтичной организации мог бы стать сбор информации,

необходимой для **активизации** существующих объединений, а также **стратегическое планирование интеграционной деятельности, осуществляемой при их участии**. Например, можно было бы собирать информацию о передовых практиках на международном уровне, осуществлять практическое консультирование по соответствующей деятельности и организовать курсы обучения для гражданских объединений и активных граждан, занимающихся вовлечением национальных меньшинств. Зонтичные организации Эстонии не сталкивались с так называемым организационным развитием русскоязычных организаций, иными словами, не консультировали их по вопросам лучшей вербовки членов, управления объединением, составления программы деятельности и стратегии, планирования, написания и реализации проектов. В то же время в ходе обсуждения с русскими объединениями в рамках фокус-группы Центра исследования и развития гражданского общества (2010) выяснилось, что потребность существует именно в таких **курсах обучения и консультациях**.

Многие финансирующие организации также заявляли, что содержание и качество ходатайств о проектах русскоязычных объединений нуждается в доработке. В данном случае речь идет о базовых способностях объединений, содействие развитию которым должно осуществляться централизованно, например в сотрудничестве с Фондом интеграции и миграции «Наши люди» и Целевым капиталом гражданского общества.

Сотрудничество и формирование связей между объединениями можно развить при помощи механизмов поддержки. Развитие эстонских гражданских объединений показало, что **сотрудничество не возникает естественным образом, а нуждается в стимулировании**, чтобы объединения смогли осознать пользу от сотрудничества и привыкли бы делиться идеями для достижения большего эффекта. По всей видимости, русскоязычным гражданским объединениям необходимо пройти тот же учебный процесс.

Очень важно направлять **русскоязычным организациям** информацию о действующих в различных сферах и регионах эстонских объединениях, **являющихся потенциальными партнерами по сотрудничеству или менторами**.

Для того, чтобы устранить информационный вакуум иноязычной части населения, необходимо оказывать поддержку инициативам объединений Эстонии (в первую очередь представительских и попечительских объединений, зонтичных организаций), например, создавать русскоязычные страницы в интернете, переводить информационные материалы на русский язык и распространять их. Ускорению интеграции новых иммигрантов также способствовало бы наличие информации на английском языке. Практика показывает, что подобная поддержка была обоснованной и получила положительный отклик со стороны русскоязычной части населения и каналов средств массовой информации.

Необходимо способствовать деятельности эстонских объединений по развитию человеческого ресурса и членского состава (в первую очередь представительских и попечительских объединений, зонтичных организаций) в том направлении, чтобы в **основную команду вовлекалось бы больше владеющих языком представителей различных национальных групп**. Вместо того чтобы заказывать переводческие услуги со стороны, следует **поддерживать поиск в рамках организации человека или людей, которые занимались бы русскоязычным освещением деятельности организации**, что может быть осуществлено в порядке студенческой практики, волонтерской работы или при помощи постоянно присутствующего в организации работника. В данном случае речь идет **скорее о поддержке деятельности, чем единоразовой поддержке проекта**. Практика показывает, что наличие в организации активных представителей других национальностей в большей степени влияет на русскоязычную целевую группу, чем сотрудничество с русскоязычными организациями. Но поиск, сохранение и развитие таких людей требует времени. По этой причине важно поддерживать более широкое и устойчивое распространение успешных практик, например, Школа лидеров и менторская программа Целевого капитала гражданского общества, проводимые Таллиннской палатой людей с ограниченными возможностями общие русскоязычные курсы обучения и кружки обсуждения в рамках гражданского образования. В данном случае подошло бы как финансирование вышеупомянутой деятельности, так и сотрудничество с осуществляющими данные практики организациями.

С точки зрения интеграции **новых иммигрантов**, важным является содействие действующим в Эстонии национальным объединениям как важной форме функционирования гражданского общества в их деятельности, способствующей скорой адаптации соотечественников в эстонское общество и предотвращению их социальной изолированности.

На региональном уровне важно содействовать расширению эстонских объединений в Ида-Вирумаа, нахождению в регионе постоянных партнеров и их вовлечению в соответствующую сеть.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР, СОДЕЙСТВУЮЩИЙ ИНТЕГРАЦИОННЫМ ПРОЦЕССАМ, И ПРИНЯТИЕ ЕЕ ВО ВНИМАНИЕ В ИНТЕГРАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Приоритетом интеграционной деятельности является «... развитие для постоянных жителей Эстонии общего значения государства, ...в то же время принимая культурные различия» и «... предотвращение обусловленной региональными особенностями или социальной отстраненностью национальной и культурной изолированности как в случае существующего населения, так и в случае новых иммигрантов» (Интеграционная программа, стр. 3). Достижение таких целей предполагает, что **при общении с целевыми группами используется дискретный и деликатный в отношении этнокультурных особенностей тон и предотвращается (а также ограничивается) возникновение страха перед ассимиляцией**. Признание этнокультурной идентичности и выражение желания ее сохранения является важным компонентом процессов в рамках интеграционной деятельности, так как этнокультурное самоопределение достаточно важно для всех целевых и заинтересованных групп интеграционного процесса. До сих пор этнокультурная идентичность развивалась не в противопоставлении гражданской идентичности, данные способы коллективного самоопределения развивались независимо. Несмотря на то что на уровне личности или определенной группы один способ самоопределения может быть более выраженным, чем другой, в целом отношение доминирования одного способа самоопределения над другим в обществе не наблюдалось.

Цель обеспечения сохранения этнокультурной идентичности нельзя достигнуть только при помощи поддержки обществ национальной культуры, так как влияние их деятельности сравнительно ограничено. Для достижения данной цели и распространения информации об этой деятельности широкой общественности необходимо развивать и другие меры. **Интеграционная деятельность, направленная на сохранение этнокультурной идентичности, может служить положительным сигналом и для менее интегрированных целевых групп.** Так как язык очень важен с точки зрения определения этнокультурной принадлежности, при реализации мер поддержки обучения и применения эстонского языка необходимо уделять внимание и этнокультурному аспекту (аспекту «культурного перевода», который также был выделен в части исследования, посвященной сфере образования).

При общении с обществами национальной культуры необходимо учитывать тот факт, что довольно большая часть представителей малочисленных этнических групп в Эстонии, в сущности, имеет множественную идентичность. Таким образом, при оказании поддержки так называемой деятельности по сохранению необходимо отдавать **предпочтение «переводческой деятельности», которая включает в себя взаимодействие нескольких культур.**

С точки зрения интеграционных кластеров, невозможно выделить целевую группу с особенно сильной или слабой этнокультурной идентичностью. Но принимая во внимание тот факт, что гражданская идентичность проявляется в различных интеграционных кластерах с различной степенью интенсивности, можно, тем не менее, выделить общие профили идентичности интеграционных кластеров.

Успешно интегрированные (кластер А) жители имеют сильную гражданскую идентичность, ориентированы, в основном, на индивидуальную социальную мобильность и, по всей вероятности, опасаются выраженной коллективной принадлежности, которая противопоставляется группе большинства. В то же время приблизительно две трети представителей целевой группы считают этнокультурную идентичность очень важной несмотря на то, что это не находит столь сильного выражения в публичной практике (например, отмечании праздников), как в случае некоторых других кластеров. При общении с ними важно **коммуникативное уважение к этническим особенностям** с тем, чтобы они не ощущали «эстонизацию» единственно возможным вариантом аккультурации.

Профиль гражданской и этнокультурной идентичности **русскоязычного патриота Эстонии (кластер В)** аналогичен профилю представителей кластера А. В то же время, представители кластера В **намного более активно «практикуют» свою**

этнокультурную идентичность: они активнее участвуют в обществах национальных культур, отмечают праздники и т.д. При общении с ними этнокультурная деликатность со стороны государства, по всей вероятности, еще более важна, чем в случае склоняющихся к «эстонизации» представителей кластера А.

Приблизительно каждый второй представитель целевой группы **эстоноязычных критически настроенных жителей (кластер С)** имеет слабую идентичность с точки зрения и гражданства, и этнокультурной принадлежности. В жизни примерно каждого второго представителя целевой группы этнокультурная идентичность превалирует над гражданской. В то же время это не находит особого выражения ни на уровне практики (праздники, культурные общества и т.д.), ни на уровне общих убеждений: значительная часть группы считает, что в современном мире люди вообще не нуждаются в национальном самоопределении. Так как целевой группе свойственна общая критичность, более приемлемым в ее случае является рефлексивный и семиотический подход, предполагающий взаимный «перевод» русской и эстонской культуры и поясняющий предпосылки к создавшейся ситуации, рассматривающий эстонскую тематику в более широкой историко-территориальной, а не узкой перспективе с позиции эстонцев.

Профиль идентичности целевой группы **слабо интегрированных (кластер D)** является наиболее разнообразным: часть целевой группы имеет слабую коллективную идентичность с обеих точек зрения, в случае другой части доминирует одна или другая идентичность, в случае примерно одной четверти обе идентичности сформированы достаточно хорошо. Для представителей данной группы важно активно отмечать российские праздники; этот аспект можно сбалансировать при помощи их более активного привлечения к отмечанию эстонских праздников в школах (например, в качестве родителей) и на мероприятия, связанные с традициями эстонской культуры. В данном случае гражданскую идентичность, несомненно, усилили бы более реальные возможности получения гражданства Эстонии, где основным препятствием является слабый потенциал в языковом обучении.

Профиль идентичности **неинтегрированной группы** (кластер Е) схож с профилем кластера С. Приблизительно половину представителей группы характеризует слабая коллективная идентичность, в случае второй половины превалирует этнокультурная идентичность. Представители кластера Е достаточно активно закрепляют свою идентичность в повседневной жизни как через языковую практику, практику медийного потребления, так и посредством других практик, в том числе активного отмечания российских праздничных дат. При общении с данной целевой группой в первую очередь необходимо учитывать их влияние на воспитание нового изолированного поколения, иными словами, необходимо сконцентрироваться на способе общения с молодыми людьми, родители, бабушки и дедушки которых принадлежат к этой целевой группе.

МЕДИЙНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ, ИНФОРМИРОВАННОСТЬ, ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ

Несмотря на то что русскоязычное население в целом постоянно следит за российскими телевизионными каналами, **это не означает, что информационное пространство русскоязычной части населения едино и ориентировано на Россию.** Напротив, благодаря расширенному применению эстонского языка при использовании СМИ и обширным возможностям потребления мировых каналов в их русской версии или с русскими субтитрами информационное пространство **русскоязычной части Эстонии является значительно более разнообразным, чем соответствующее пространство эстоноязычной части.**

Согласно различным опросам, довольно большой процент представителей русскоязычного населения (20–30 %) регулярно следит и за эстоноязычным информационным пространством, и этот факт необходимо в большей степени принимать во внимание в деятельности эстонских медиа-каналов, особенно Эстонской радиовещательной корпорации и эстоноязычного интернета. В то же время лишь малая часть эстоноязычной публики следит за русскоязычными СМИ, в том числе за публикуемыми в интернете мнениями. В целом обоюдное внимание к позициям другой стороны возросло, и на существование конфликтов на национальной почве сетует именно более интегрированная и владеющая эстонским языком часть представителей других национальностей. С интеграционной точки зрения особенно важно учитывать тот факт, что **высокомерное,**

оскорбительное и основанное на предубеждениях отношении к другим национальностям, которое встречается как в русскоязычных, так и в эстоноязычных СМИ, усиливает впечатление об остроте межнациональных конфликтов в Эстонии, в то время как в контактах за пределами СМИ конфликты в такой степени не наблюдаются. Больше внимание этой проблеме должны также уделять **учреждения, занимающиеся журналистской этикой и саморегулированием.** Названные учреждения должны **инициировать независимый мониторинг** СМИ, который следил бы как за эстоноязычной, так и за русскоязычной прессой, в том числе за соответствием содержания интернет-порталов принципу предотвращения разжигания межнациональной розни и оскорбительных в отношении других национальностей стереотипов.

По сравнению с данными Интеграционного мониторинга за 2008 г., среди представителей других национальностей увеличился процент лиц, хорошо информированных о событиях в их месте проживания, в Эстонии и Европейском Союзе. Одной из причин, вероятно, является более активное обращение к эстоноязычным СМИ. Также важным источником информации для большей части аудитории, слабо владеющей или не владеющей эстонским языком, являются русскоязычные СМИ Эстонии, в первую очередь **Радио 4.** Учитывая то обстоятельство, что две трети русскоязычного населения, относящиеся к группе среднего и старшего возраста, и приблизительно треть молодежи не способны следить за эстоноязычными информационными каналами, **с точки зрения функционирования эстонского государства и доверия к нему важным остается оказывать содействие деятельности информационных каналов, надежно обеспечивающих распространение ежедневной практической информации, в том числе сообщений, касающихся законодательства и повседневной жизни людей, здоровья и безопасности, информации о культурных мероприятиях, о деятельности гражданских объединений, в том числе деятельности русскоязычных интернет-порталов. Это особенно важно в свете отрицательно сказывающейся на интеграционных процессах в Эстонии российской политики в отношении соотечественников, направленной на оказание влияния на русскоязычное население.**

С точки зрения тематических предпочтений, первое место занимают, несомненно, местные новости. Но больше всего как эстонцам, так и неэстонцам, особенно представителям старшего поколения, недостает передач о природе. Передач, знакомящих с красивыми местами в Эстонии и возможностями для путешествий и турпоходов в телевизионной программе, действительно, очень мало, и это важный неиспользованный потенциал с точки зрения интеграции.

Отношение к частому выступлению русских и эстонских лидеров мнений соответственно в эстонских и русских СМИ достаточно положительное, как и отношение к запуску расширенной русскоязычной информационной и развлекательной программы на ETV2 по выходным. В то же время создание полнообъемного телевизионного канала на русском языке поддерживается большей частью русскоязычного населения, но вызывает сопротивление со стороны многих эстонцев (53 %). Таким образом, запуск такого канала, наряду с более благоприятными экономическими условиями, потребовал бы проведения серьезной пояснительной работы.

При переводе эстоноязычных передач ETV2 для русскоязычных зрителей предпочтительнее использовать субтитры: несмотря на то, что такой вариант поддерживает лишь половина русскоязычных зрителей (вторая половина предпочла бы синхронный перевод), у эстонцев синхронный перевод (но не субтитры) вызвал бы возмущение.

С точки зрения деятельности Эстонской радиовещательной корпорации, в первую очередь канала ETV, русскоязычное население следует рассматривать как состоящее из различных целевых групп. Сравнение кластерного анализа медийного потребления с описанными в рамках интеграционных кластеров группами позволяет выделить три-четыре основных типа аудитории. В первую очередь, в качестве отдельной большой группы (приблизительно треть всего русского населения) необходимо выделить лиц, **активно использующих, считающих важными и доверяющих эстоноязычным медийным каналам,** половину которых составляют молодые жители Таллинна, треть – руководители и специалисты (60–70 % хорошо владеют эстонским языком). В зависимости от более положительного или критичного настроения представители данной аудитории принадлежат или к успешно адаптированному кластеру А, или к протестно настроенному кластеру С. Большая часть ее представителей систематически участвует в эстонском медийном пространстве. При этом практически половина этой аудитории (предположительно 10–15 % всего русскоязычного населения) интегрирована в такой степени, что предпочитает получать информацию об Эстонии из эстоноязычных СМИ, а не из местных русскоязычных и российских СМИ.

Крайне важно достичь более заметного участия представителей этой **активной и свободно владеющей эстонским языком группы в эстонском медийном пространстве** не только в качестве аудитории, но и в качестве лиц, высказывающихся

на важны общественные темы, а также авторов и героев соответствующих тем. При этом необходимо учитывать, что более активное вовлечение таких участников дискуссий, чьи мнения в отношении событий в Эстонии часто бывают более критичными, чем мнения эстонцев (согласно опросам приблизительно пятая часть представителей этой целевой группы участвовала в различных акциях протеста как в интернете, так и за его пределами), потребовало бы большего профессионализма и со стороны ведущих программ, с тем чтобы направлять обмен мнениями людей с различными взглядами. **Честные и острые дебаты, вовлечение русскоязычного населения в процесс обмена мнениями** сделало бы передачи более динамичными и увлекательными **для аудитории и с русским, и с эстонским культурным багажом**. Это в значительной степени способствовало бы продвижению в формировании единой эстоноязычной публичной сферы, что и является основной целью общественно-политической интеграции.

Противоположный описанному выше тип аудитории объединяет **заинтересованных в Эстонии представителей старшего поколения из Ида-Вирумаа и Таллинна** (примерно пятая часть всего русскоязычного населения), значительная часть которого не владеет хорошо эстонским языком, и по этой причине их участие в эстоноязычном медийном пространстве достаточно ограничено. Особенностью данного типа является интерес к различным аспектам развития Эстонии и желание, чтобы СМИ играли более существенную роль в интеграции эстонцев и неэстонцев (интеграционные кластеры В и D). Основным источником информации для этой группы служит Радио 4; они также активно следят за местной русскоязычной прессой. Целенаправленное принятие во внимание этой части русскоязычной аудитории, которая **положительно настроена по отношению к Эстонии**, в русскоязычных передачах эстонского радиовещания как в качестве слушателей и зрителей, так и в качестве участников является важным фактором, формирующим взаимное доверие и понимание в отношении не владеющего эстонским языком старшего поколения к эстонскому государству, что будет способствовать лучшей интеграции эстонского общества.

В качестве третьей целевой группы следует рассматривать пятую часть русскоязычного населения, которая в основном **ориентирована на российские СМИ** (частично интеграционный кластер D, большая часть кластера E), состоит преимущественно из **рабочих**, в основном из **Ида-Вирумаа**, слабо владеющих эстонским языком и мало интересующихся эстонской жизнью. По сравнению с другими группами представители данной группы испытывают наименьшее доверие к государственным учреждениям Эстонии. Тем не менее, **важными для представителей этой группы и вызывающими доверие также являются русскоязычные каналы Эстонии**. Интерес для этой, а также предыдущей национальной группы в русскоязычной телепрограмме ETV представило бы менее политизированное освещение повседневных событий и проблем эстонских русских.

Согласно высказываниям **новых иммигрантов**, они испытывают интерес и открыты к происходящему в обществе, но это не отражается в их реальном поведении. Они утверждают, что интересуются эстонским театром, телевидением и новостями, но для их понимания необходимо знание эстонского языка. Ознакомление с эстонскими новостями представляет собой не постоянную привычку, а проект по изучению языка. Представители этой группы получают ежедневную информацию из международных каналов или источников информации на родном для них языке. Новые иммигранты редко участвуют в культурных мероприятиях по причине недоступности или отсутствия информации и недостаточного владения языком; также у них отсутствует смелость и инициатива. Наиболее эффективным способом распространения информации среди новых иммигрантов является ее распространение в посещаемых ими местах: государственные или официальные учреждения, курсы адаптации Фонда интеграции и миграции «Наши люди», собрания, объединения. Одним важным навыком, который необходимо приобрести в ходе программы адаптации, является умение самостоятельно искать и вводить информацию в эстоноязычный интернет. Важна информация о функционировании и законах в различных областях, а также умение справляться в повседневной жизни (при общении в магазине, в парикмахерской, в банке, на собеседовании при приеме на работу, в государственных учреждениях) и находить помощь как при поиске работы, основании предприятия, покупке недвижимости, так и в вопросах социальной и правовой помощи.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНТАКТЫ, ГОТОВНОСТЬ К КОНТАКТАМ И ОТНОШЕНИЕ К ДОСТУПУ К ФОРМИРОВАНИЮ ПОЛИТИКИ

Отношение эстонцев к вовлечению русскоязычного населения стало более положительным, и новые локальные стратегии должны быть направлены на поддержку и усиление этой тенденции. **Важна деполитизация возможностей участия: например, успешные люди русского происхождения в качестве примеров для подражания в сфере спорта и развлечения, науки, культуры и предпринимательства.** Признания заслуживает более частая публикация аналогичных историй успеха в эстоноязычных СМИ.

Также положительной тенденцией является **уменьшение ощущения неравного обращения среди представителей других национальностей.** В то же время важно отметить, что **ощущение неравенства в большей степени присутствует у людей с более высоким уровнем образования и знания эстонского языка, которые пользуются эстоноязычными СМИ и имеют более высокие по сравнению с эстонцами ожидания в отношении успехов государства и личных успехов** (группы А и С), иными словами, речь идет о сильно интегрированных людях, имеющих правомерные и более острые ожидания в отношении обращения с собой как с равным партнером.

С точки зрения межнациональных контактов выделить четкую тенденцию не представляется возможным. Превалируют по-прежнему инструментальные контакты (в общественной сфере, в школе, на работе), в то время как личные круги общения в основном построены по национальному признаку. Тем не менее, можно отметить, что контакты по месту учебы или работы являются важной предпосылкой для контактов в личной сфере (гораздо больше, чем в сфере досуга). Тем не менее, данная тенденция не поддерживается разделенной по языковому признаку школой и рынком труда. Эстонцы намного чаще принимают участие в публичных мероприятиях. В случае мероприятий государственного и третьего сектора необходимо уделять большее внимание русскоязычной информации (см. представленные выше рекомендации в отношении гражданского общества). Выбор языка автоматически содержит в себе сообщение о том, что мероприятие предназначено для всех членов общества, не только для эстонцев.

Представителей **успешно интегрированной группы (кластер А)** характеризует обостренное ожидание их вовлечения на правах равного партнера. По этой причине у них более сильное, чем у представителей других групп, ощущение межнационального конфликта: чувствительность в отношении этноцентричности в эстоноязычной среде общения и СМИ. С эстонской стороны (в том числе со стороны СМИ) требуется большая культурная чувствительность, признание существования «другого», причисление его к «нам». **Представителей данной группы не следует отстранять и оскорблять применением стереотипа «враждебного русского» или обращением с ними как с объектами интеграционного процесса.**

Русскоязычный патриот (кластер В). Представителей данной группы характеризует более слабое знание эстонского языка, но более плотное (выше среднего) общение с эстонцами, большая степень доверия к учреждениям, менее острое восприятие межнациональных конфликтов. В то же время они в большей степени сталкиваются с неравным обращением (на почве знания языка). **Важно не приравнивать лояльность к знанию языка, признавать русскоязычное участие.** Для представителей этой группы необходимо создать возможности для большего вовлечения в эстоноязычную среду **посредством профессиональных сетей общения и соответствующих сетей по интересам.**

Эстоноязычные критически настроенные (кластер С). Для этой группы характерен обширный опыт межнациональных конфликтов и неравного обращения (не столько опыт, сколько информация о нем). По сравнению с представителями других групп у них наименьшее количество ежедневных контактов с эстонцами и эстонцев в кругу общения (у 20 % нет ни одного знакомого), в то же время они достаточно неплохо владеют эстонским языком. Интегрированных в языковом плане критически настроенных молодых **не следует отталкивать подозрением и недоверием по умолчанию. Важно поддержать мероприятия и деятельность объединений, направленные на усиление общения с ровесниками-эстонцами, которые ищут точки соприкосновения при помощи общих интересов и целей; создавать возможность самореализации**

через работу в команде. При общении с молодыми людьми необходимо ознакомить их с возможностями в Эстонии по сравнению с другими государствами, обсуждать проблемы открыто, критически при помощи дискуссии, а не нормативной или коммерческой риторики.

Слабо интегрированные (кластер D). Наибольшее количество контактов с эстонцами у представителей этой группы происходит на **рабочем месте**, таким образом, важно использовать рабочее место как ресурс для увеличения интегрированности, в том числе расширения контактов.

Неинтегрированные (кластер E). Представители группы имеют наибольший опыт столкновений на национальной почве (10 %, в то время как средний показатель по всем кластерам 7 %), что может быть связано с общим чувством изолированности и отторжения (обусловленным безработицей и чувством бесперспективности на рынке труда по причине низкого уровня образования и слабого знания эстонского языка). Первой мерой в отношении представителей этой группы должно быть увеличение их социальной безопасности, связанности с обществом; данные меры должны в первую очередь касаться принадлежащих к группе молодых людей, чтобы предотвратить повторение изолированности.

Отношение к новым иммигрантам связано, с одной стороны, с признанием неизбежности: население стареет, и Эстония является открытым обществом, куда могут приехать различные люди из различных точек мира. С другой стороны, жители признают, что в Эстонии уже достаточно людей других национальностей, и не чувствуют обязанности принимать новых иммигрантов. Отношение к новым иммигрантам более положительное среди молодежи; это отношение можно усилить посредством образования: мультикультурное обучение в школах, акцентирование толерантности и открытости. Новые иммигранты не чувствуют дискриминации ни со стороны работодателей, ни со стороны сограждан.

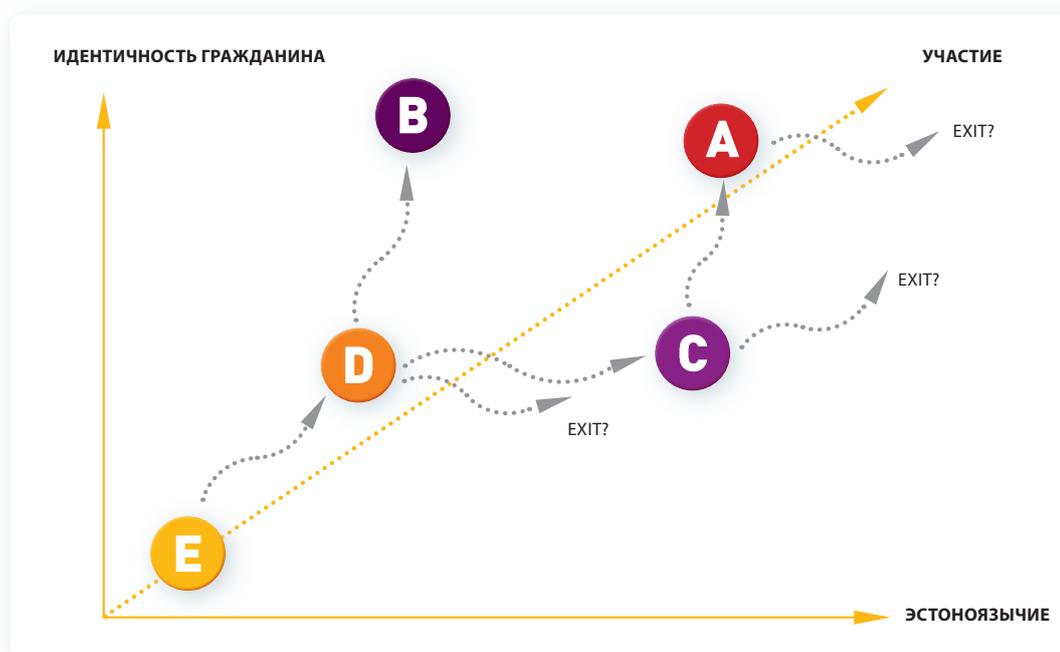
СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Основной вывод данного интеграционного мониторинга заключается в том, что на смену проводимой до сих пор интеграционной политики, направленной на «русскоязычное население» или «лиц с неопределенным гражданством» как социально неопределенных объектов государственной политики, должен прийти интеграционный процесс, принимающий во внимание уровень интегрированности различных целевых групп и цели, исходящие из конкретных проблем. Такой процесс должен координироваться стратегически, но быть направленным на адаптированные к каждой конкретной целевой группе сферы и задачи и ориентированным на вовлечение других национальных групп. Субъектом данного процесса, с одной стороны, являются различные представители населения других национальностей (характеристика которым дается на основании аналитических «интеграционных кластеров»), с другой стороны, государственные учреждения, а с третьей стороны, гражданское общество и другие оперирующие в публичной жизни учреждения и объединения (в том числе партии, партнеры по рынку труда, местные самоуправления и т.п.).

На приведенной ниже схеме изображены изменения и трансформации, которые могут произойти в результате успешной интеграционной политики в трехмерном интеграционном пространстве, одной осью которого служит политическое и правовое самоопределение и развитие гражданской идентичности, другой осью – субъективная активность и социальный капитал (сеть общения, доверие и участие), а третья ось выражает культурные компетенции, знание языка, образование и этнокультурную идентичность.

В случае положительных изменений укрепление гражданской идентичности может перевести представителей протестно настроенного кластера С в успешный кластер А. Большая степень доверия, преодоление препятствия в виде гражданства и вовлечение в гражданское общество может способствовать переходу представителей пассивного и недоверчивого кластера D в активный и лояльный кластер В, лучшее владение языком и увеличение активности способствует продвижению из кластера D в кластер С. Изолированная молодежь кластера E сможет при помощи СМИ и наличия оказывающего поддержку круга общения перейти в проявляющий больший интерес к Эстонии кластер D и далее. Разумеется, в случае разочарований и неудач возможно и движение в обратном направлении: падение из группы активных в более пассивные и изолированные кластеры, а также так называемое схождение с дистанции, например, в результате эмиграции.

Схема 3. Траектории развития интеграционных кластеров

Приведенная ниже схема иллюстрирует необходимость определения при планировании различных интеграционных мероприятий целевой группы и соответствующих ей целей и ролей в интеграционном процессе. Нереалистично ожидать, что принадлежащих к кластерам E или D людей со слабым знанием языка можно будет за пять лет превратить в успешных лиц, отдающих предпочтение эстоноязычным СМИ, или трансформировать независимых жителей с хорошим знанием языка, но слабой гражданской идентичностью из кластера C в лояльных и благожелательно настроенных, но с более ограниченными культурными навыками представителей кластера B.

Обобщая развитие интеграционной политики на сегодняшний день, а также полученные в ее рамках уроки и пытаясь предусмотреть наиболее оптимальный способ продолжения и более результативной реализации интеграционной политики после завершения в 2013 г. действующей интеграционной программы, мы можем в теоретическом плане выделить четыре сценария осуществления интеграционной политики. Указанные сценарии являются не эмпирическими описаниями, а, скорее, логическими моделями, отправными точками которых служат два центральных выбора: во-первых, выбор в пользу целенаправленного стратегического направления интеграционной политики или в пользу отсутствия целенаправленного стратегического управления с фрагментированной организацией, адаптированной в большей степени к внешним ожиданиям, во-вторых, выбор при определении самими членами меньшинств собственной позиции в интеграционной политике: являются ли они ее пассивными объектами или активными субъектами, вовлеченными как в разработку, так и в реализацию политики. Данные варианты — четыре оси описанных ниже сценариев (см. схему 4).

Рассматривая ретроспективно ситуацию во второй половине 90-х гг., предшествующую составлению первой интеграционной программы (2000—2007), в качестве ключевого слова было выбрано «подчинение» (I сценарий, см. верхнее левое поле на схеме 4). В недавно восстановленной Эстонской Республике основной проблемой была не интеграция русскоязычного населения, а регулирование его юридического статуса и социального положения, что было осуществлено при помощи таких законов, как Закон о гражданстве, Закон об иностранцах и Закон о языке. Граждане Эстонии по рождению составляли лишь малую часть русскоязычного населения. Так как большая часть русскоязычного населения состояла из лиц, иммигрировавших в Эстонию после войны, определение их гражданства было связано как с юридическими, внутривнутриполитическими, внешне политическими, так и с психологическими проблемами. Поясняя отправные точки интеграции социологи (см. Лауристин, Хейдметс 2002) отмечали высокий уровень разобщенности двух языковых общин как на рынке труда, в общественном пространстве, так и в повседневном общении, социально-экономическое неравенство, взаимное недоверие, нежелание большей части эстонцев

принимать более активное участие русскоязычного населения в принятии решений в общественных вопросах Эстонии. Таким образом, центральной темой первой интеграционной программы по этой причине, с одной стороны, была натурализация неграждан («политико-правовая») и, в связи с ней, продвижение знания языка как условия натурализации («культурная интеграция»). С другой стороны, предпринимались попытки понизить раздраженность эстонцев и сформировать более положительное и открытое отношение к вовлечению меньшинств. Несмотря на то что в первой интеграционной программе присутствовала и глава о социально-экономической интеграции, значение ее в рамках всей интеграционной политики было довольно скромным. Субъектом интеграционной политики служило государство (которое представляло учреждение, подведомственное министру по делам народонаселения), управление интеграционным процессом осуществлялось посредством проектной деятельности; в качестве инициатора проектов, а также их оценивающей и контролирующей стороны выступало созданное при участии и руководстве государства Целевое учреждение интеграции неэстонцев.

Проектную основу усилила связанность политики до и после вступления в Европейский союз с пакетами мер, направленными на выполнение внешних европейских требований, что, с одной стороны, стимулировало более активное решение определенных аспектов интеграционной проблемы (сокращение числа лиц с неопределенным гражданством, адаптация языковых навыков к европейским нормам), но в то же время позволяло оставлять без внимания некоторые существенные проблемы, например, увеличение социальной сплоченности, продвижение гражданского воспитания и межкультурного диалога и т.п. Сформировался II сценарий, который характеризуется обилием формально зафиксированных мер в конкретных сферах, но отсутствием стратегического координирования. Учреждение министра по делам народонаселения не имело достаточного количества полномочий и ресурсов для обеспечения скоординированной деятельности в различных сферах. Фрагментарность интеграционной политики усилили противоречия между принципами политики на государственном уровне и уровне местных самоуправлений в Таллинне и Ида-Вирумаа. В то же время в рамках меньшинства не было сформировано гражданское общество, которое можно было бы вовлечь в процессы в качестве сильного партнера. Несмотря на это создавались группы и учреждения, усиливающие протестные настроения, направленные против интеграционной политики как таковой. Процесс вступления в ЕС способствовал формированию в обществе Эстонии так называемого либерального консенсуса, который содействовал распространению конкурентных отношений во всех сферах.

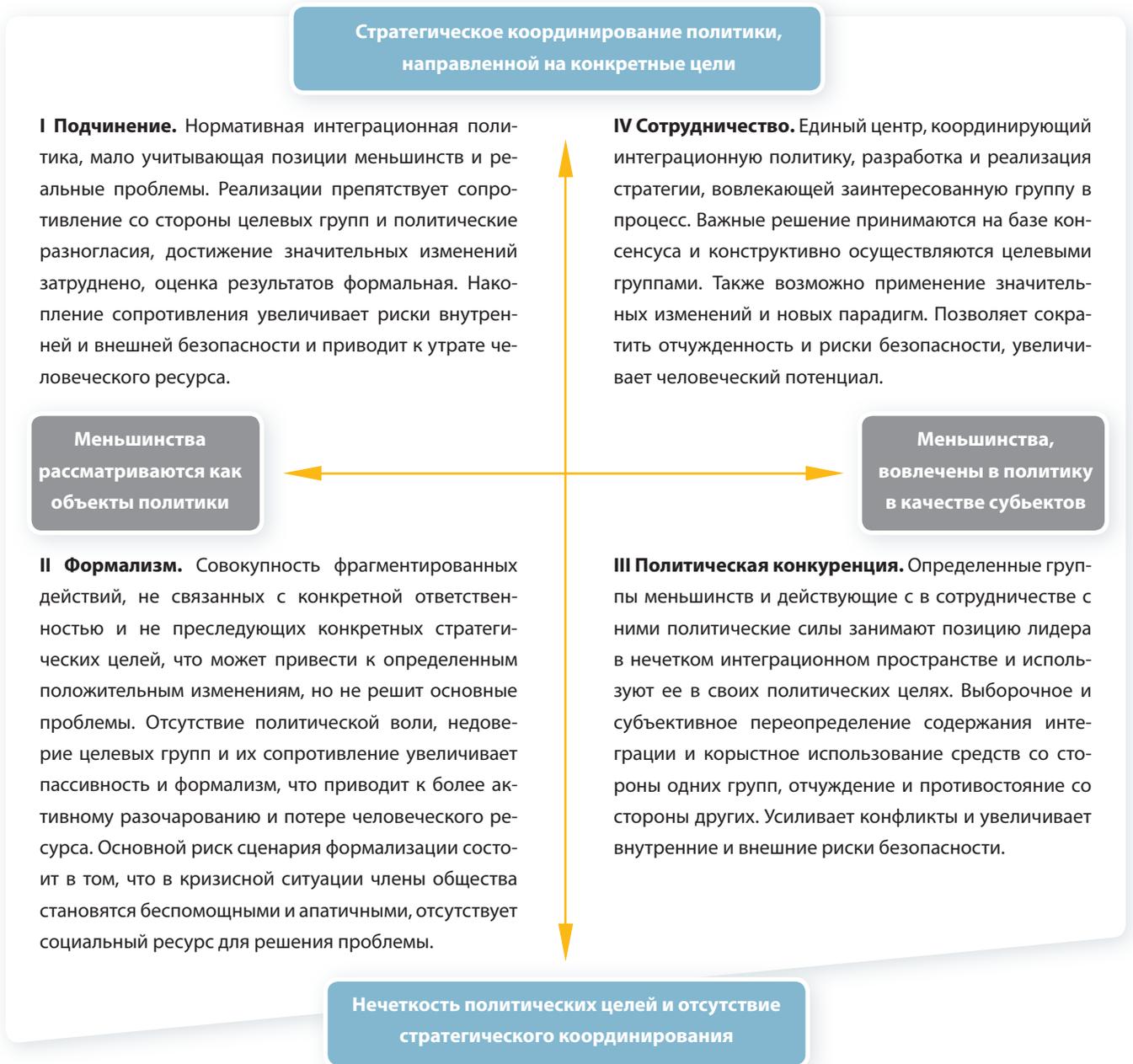
В том числе поддержку в рамках интеграционной политики обрела так называемая либеральная интеграционная модель, согласно которой ответственность за успешную адаптацию в обществе, в том числе языковую адаптацию и политическую интегрированность, возлагается на жителей лично.

Можно утверждать, что отсутствие политической воли и связанной с ней целенаправленности понизило эффективность интеграционных программ и привело к фрагментарности их реализации. Последствием либерального и раздробленного сценария, по данным этого и предыдущих мониторингов, стала тенденция к расслоению: представители более зажиточной и активной части русскоязычного населения с лучшим знанием языка стали успешными гражданами, представители же менее зажиточной или менее активной группы становятся изолированной и отчужденной от государства группой с неопределенным гражданством, причем раскол между двумя группами не сокращается, а увеличивается. Амбиции натурализовавшихся граждан и настроения протеста и разочарования отторгнутой части легко превратить в политический потенциал, по этой причине в дополнение к нечеткой и формальной государственной интеграционной политике на местном уровне развернулся сценарий «Конкуренции» (III сценарий на схеме 4), яркие примеры которого можно видеть в Таллинне и Ида-Вирумаа.

Успешно интегрированное общество может обеспечить лучшую внутреннюю стабильность, и благодаря ей большую безопасность своих членов. Также верно обратное утверждение: беспокойное и настроенное на протест меньшинство характеризуется большой восприимчивостью к идеям создателей враждебной по отношению к эстонскому государству политики. Поэтому важно видеть проявляющиеся в случае трех вышеупомянутых сценариев угрозы безопасности.

Так как обусловленные разочарованностью протестные настроения (которые эффективная интеграционная политика должна предотвращать или смягчать) в наибольшей степени создают предпосылки для конфликтных решений, необходимо выделить

Схема 4. Сценарии интеграционной политики

две группы, ожидания и амбиции которых проводимая до сих пор интеграционная политика не реализовала. Первая группа включает в себя вступивших в жизнь в 80-х гг. до восстановления независимости молодых специалистов с советским русскоязычным образованием, чьи карьерные возможности и перспективы на будущее в значительной степени сократили Закон об иностранцах и политика в сфере языка и гражданства и которые на фоне эстоноязычного поколения «победителей» оказались в обществе отстраненными от карьерных путей потерпевшими. Они относятся к государству Эстонии и интеграционной политике критично и с большой степенью недоверия. На данный момент возраст этого поколения 45+, и большую его часть составляют родители и учителя сегодняшних школьников.

Вторая группа состоит из молодых людей, которые, закончив в Эстонской Республике школу и получив знание эстонского языка и гражданства, испытали разочарование и столкнулись с препятствиями по причине нереалистично высоких ожиданий или с отношением недоверия и отторжения на рынке труда, в государственных учреждениях, в политическом дискурсе и эстоноязычных СМИ. Представление о том, к каким последствиям может привести при наличии такой «легко воспламеняющейся» почвы манипулирование эмоциями, дает опыт «бронзовой ночи».

Усугублению этих проблем способствовала политическая конкуренция между партиями, которые используют интеграционную тему в своих интересах. Продолжение сценария конкуренции в первую очередь в Таллинне и Ида-Вирумаа настраивает общественность негативно и ослабляет способность государства осуществлять активную и направленную на вовлечение интеграционную политику и принимать важные меры для снижения рисков и повышения доверия.

Для формирования политики, направленной на вовлечение, подходит сценарий IV «Сотрудничество» (см. схему 4). Результаты данного мониторинга демонстрируют, что в эстонском обществе на данный момент гораздо больше условий для реализации этого сценария, чем было осознано во время составления прошлой интеграционной программы.

Во-первых, усилилась и закрепились поддержка со стороны эстонцев более обширного вовлечения представителей русскоязычного населения в управление эстонским обществом и экономикой. Во-вторых, более трети представителей русскоязычного населения занимают хорошее положение в эстонском обществе и являются активными людьми с сильной гражданской идентичностью, которых больше нельзя рассматривать как целевую группу интеграционной политики. В то же время, они все еще не ощущают себя в достаточной степени партнерами эстонского государства при формировании и реализации его политики. В третьих, следует отметить, что одна пятая часть электората парламента Эстонии – это представители других национальностей. Они заслуживают того, чтобы партии предоставили им достойные возможности участия в эстонской политической жизни. Каким бы ни была суть сценария сотрудничества, его реализация зависит от единодушного и четкого выражения государственной воли.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ОПИСАНИЕ СОВОКУПНЫХ ИНДЕКСОВ, ПРИМЕНЕННЫХ ПРИ СОЗДАНИИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ

1. В индексе «гражданской идентичности» представлены следующие индивидуальные и совокупные признаки:

- a) наличие гражданства ЭР;
- b) участие в последних выборах (выборы в местные самоуправления 2009 г., выборы в Европейский парламент 2009 г. и выборы в парламент Эстонии 2011 г.);
- c) согласие с утверждением «Положение дел в государстве зависит от выбора народа, в том числе моего выбора и выбора подобных мне»;
- d) согласие с утверждением «Гражданство Эстонии принимается для участия в эстонской общественной и политической жизни» и «Гражданство Эстонии принимается для выражения солидарности с Эстонией»;
- e) желание, чтобы члены семьи получили гражданство Эстонии;
- f) признание себя частью эстонского народа в понимании Конституции;
- g) признание Эстонии единственной родиной.

2. В индексе «эстоноязычности» представлены следующие индивидуальные и совокупные признаки:

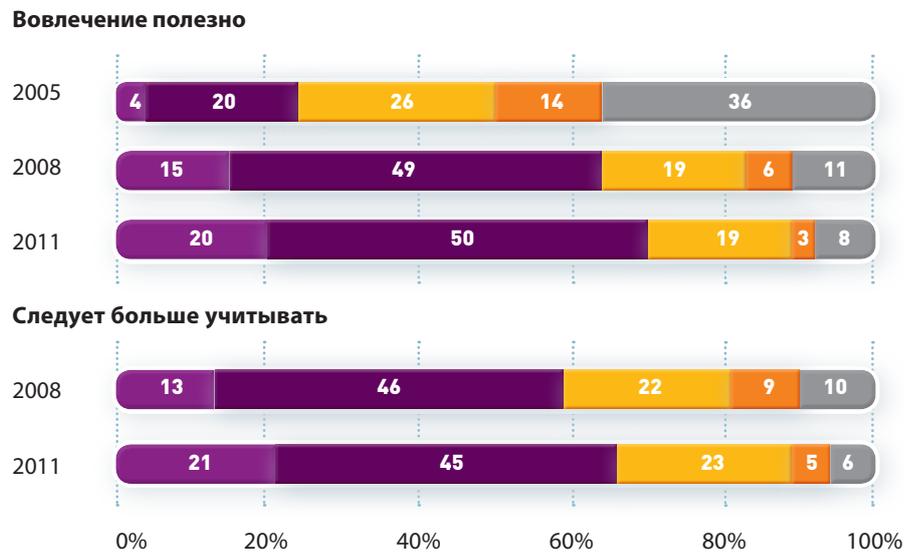
- a) оценка владения эстонским языком;
- b) общение с эстонцами на эстонском языке;
- c) предпочтение общения на эстонском языке с эстонцами;
- d) важность эстоноязычных СМИ в качестве источника информации.

3. В индексе «участие» представлены следующие индивидуальные и совокупные признаки:

- a) доверие к эстонским государственным учреждениям;
- b) интерес к внутренней политике Эстонии;
- c) политическая активность за пределами выборов;
- d) признание своей компетентности для участия в политике;
- e) участие в гражданских объединениях;
- f) участие в крупных культурных и спортивных мероприятиях.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Рисунок 1. Оценки эстонцами утверждений о вовлечении представителей других национальностей

УТВЕРЖДЕНИЕ 1.

А - Вовлечение неэстонцев в управление эстонской экономикой и государством полезно для Эстонии.
В - Вовлечение неэстонцев в управление эстонской экономикой и государством для Эстонии вредно.

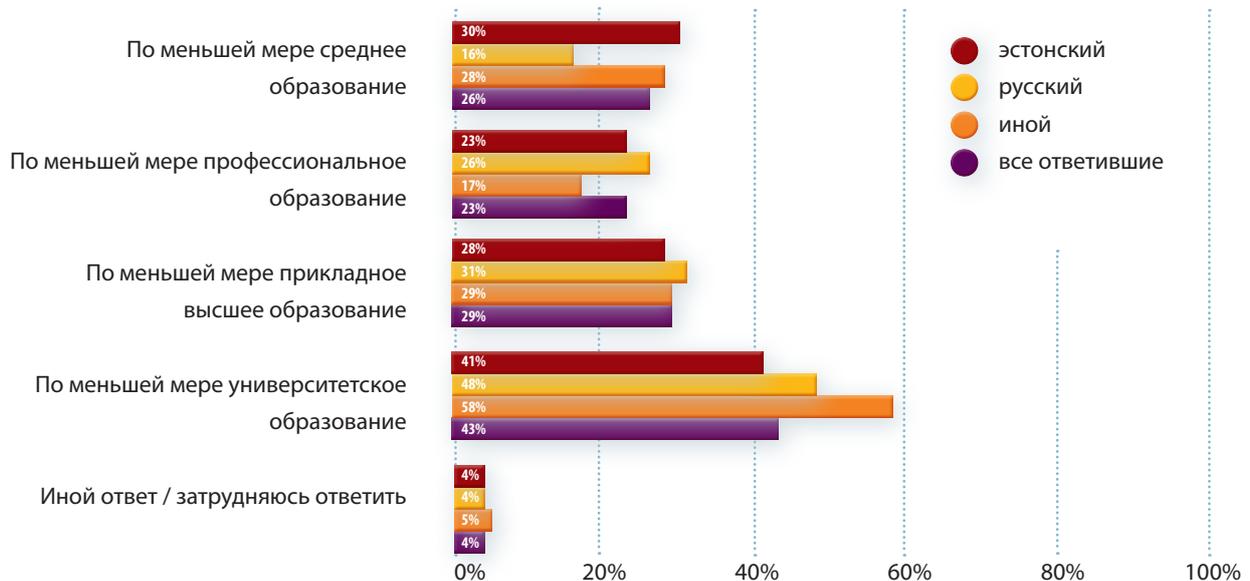
УТВЕРЖДЕНИЕ 2.

А - Мнение русскоязычного населения следует лучше знать и считаться с ним в большей степени по сравнению с прошлым, т.к. русскоязычные люди - часть эстонского общества.
В - Со мнением русскоязычного населения не следует считаться в большей степени по сравнению с прошлым, т.к. это означало бы поддаться давлению со стороны России.

- полностью согласен с утверждением А
- скорее согласен с утверждением А
- скорее согласен с утверждением В
- полностью согласен с утверждением В
- затрудняюсь ответить

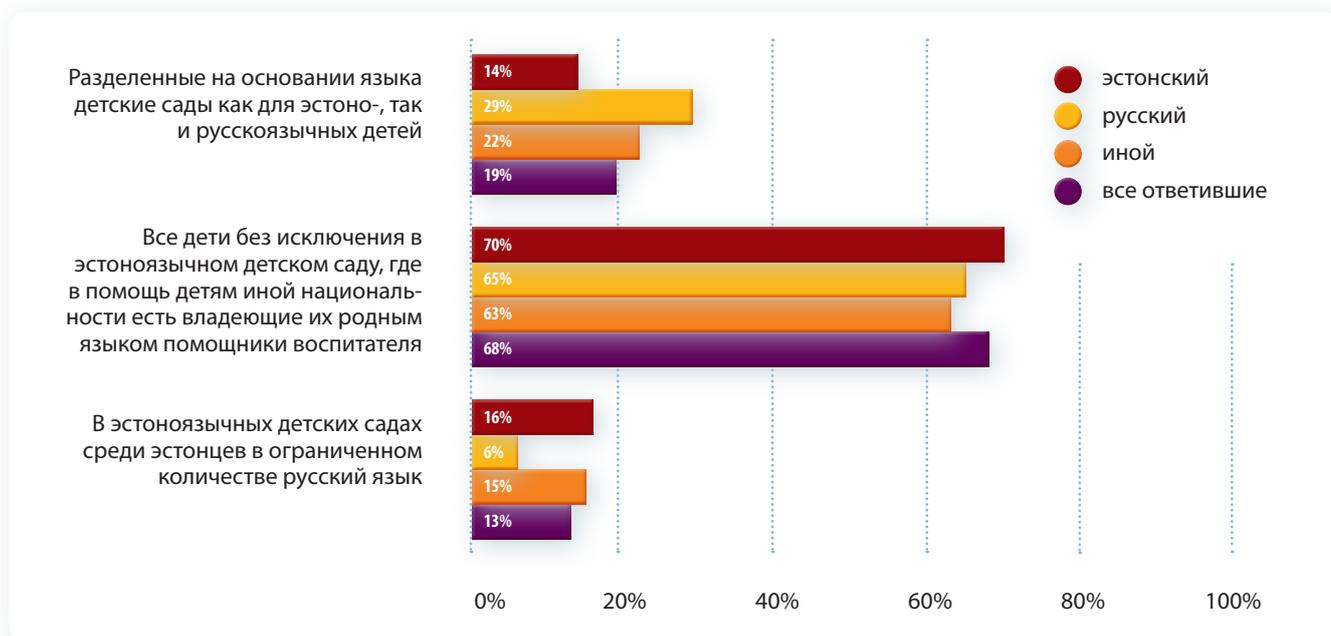
ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

Рисунок 2. Какое образование Вы желаете получить для себя/своим детям / своим внукам?

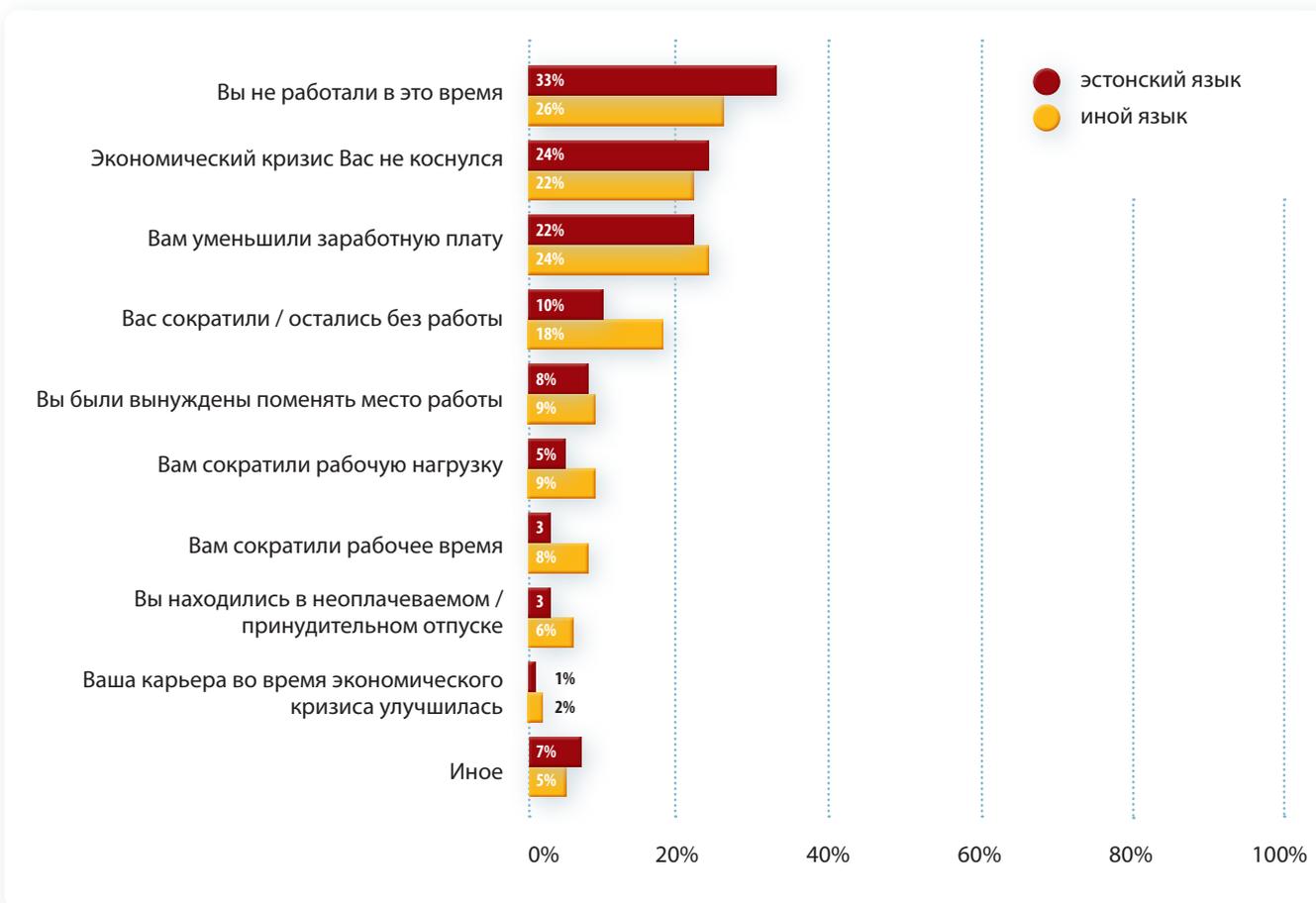
ПРИЛОЖЕНИЕ 4.

Рисунок 3. Детский сад какого типа в Эстонии Вы считаете наилучшим с точки зрения будущего детей?

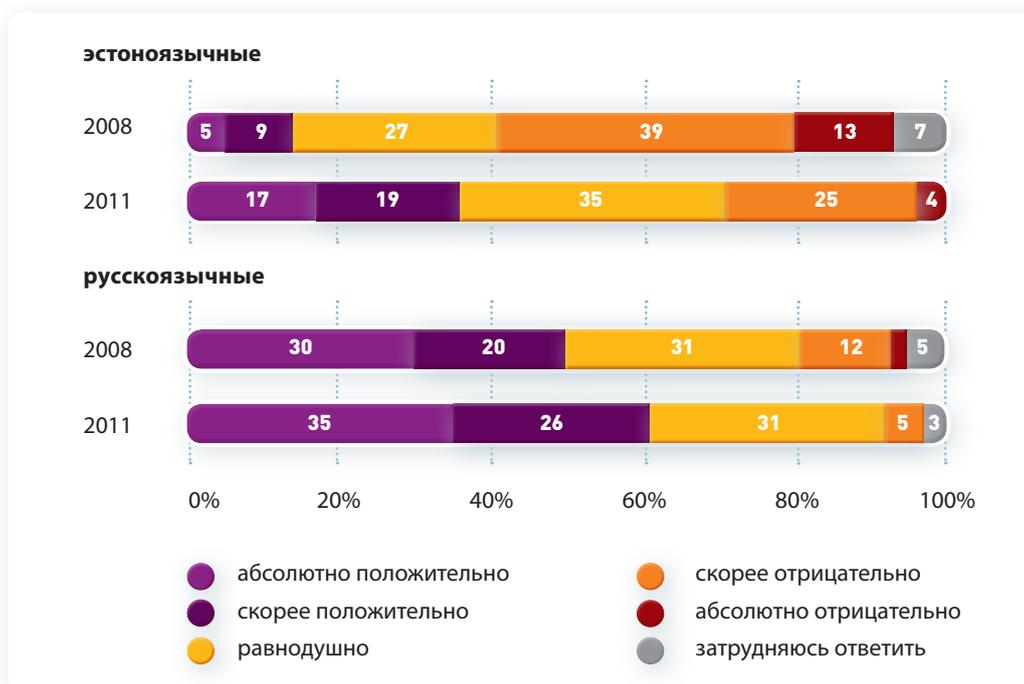
ПРИЛОЖЕНИЕ 5.

Рисунок 4. Какие из приведенных ниже изменений повлияли на Вашу карьеру во время экономического кризиса? 2008-2010

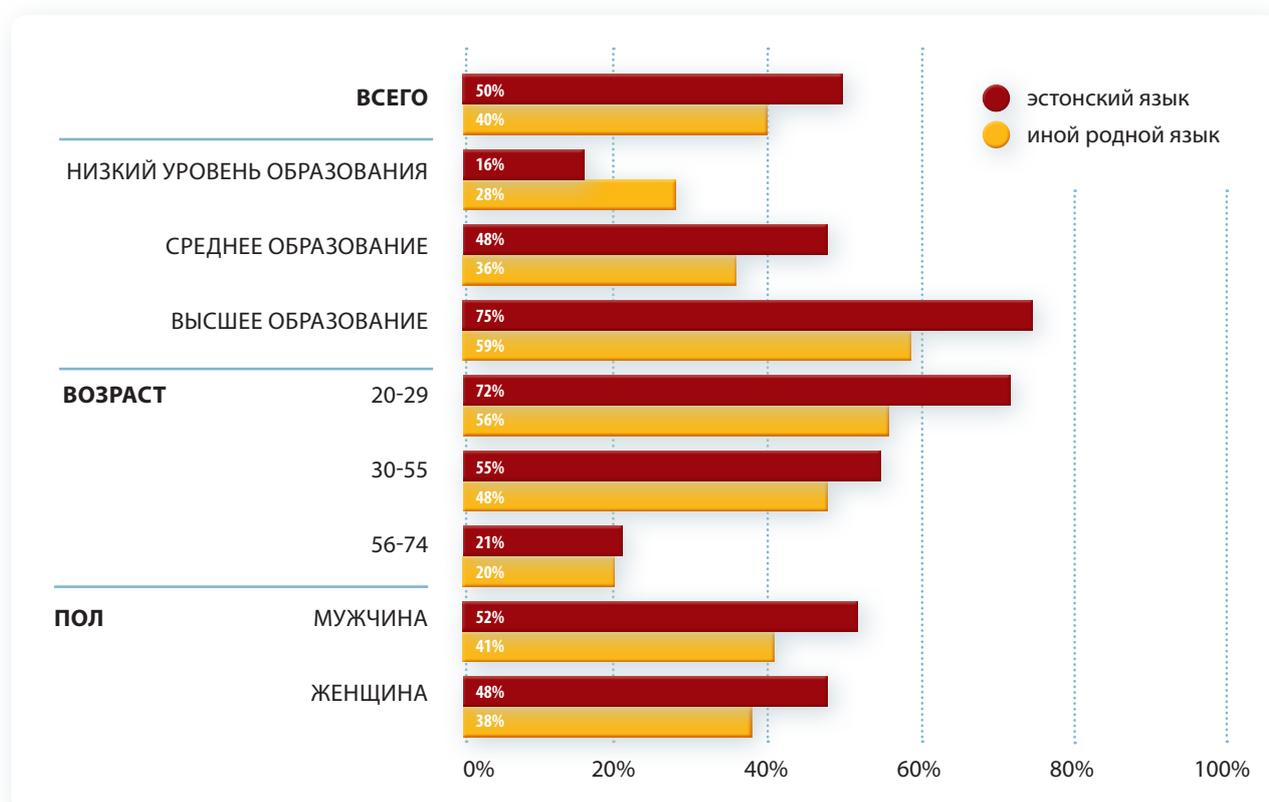
ПРИЛОЖЕНИЕ 6.

Рисунок 5. Как Вы относитесь к ситуации, если бы Вам пришлось работать или учиться в коллективе, большинство в котором составляют русские / эстонцы?

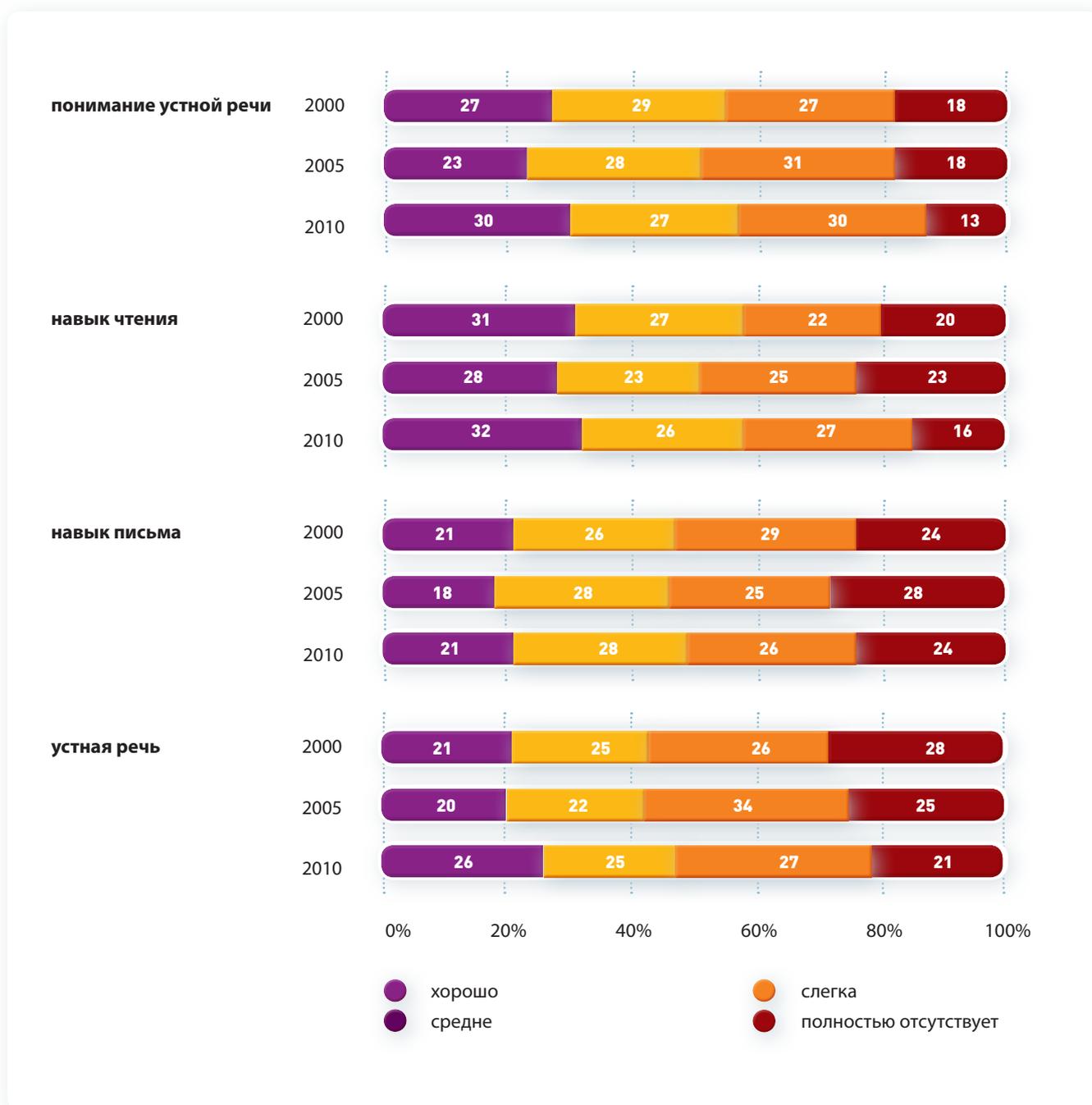
ПРИЛОЖЕНИЕ 7.

Рисунок 6. В течение последних 12 месяцев пополняли ли Вы свои связанные с профессией/работой навыки и знания? Положительных ответов

ПРИЛОЖЕНИЕ 8.

Рисунок 7. Оценка знания эстонского языка жителями с иным родным языком в 2000–2010

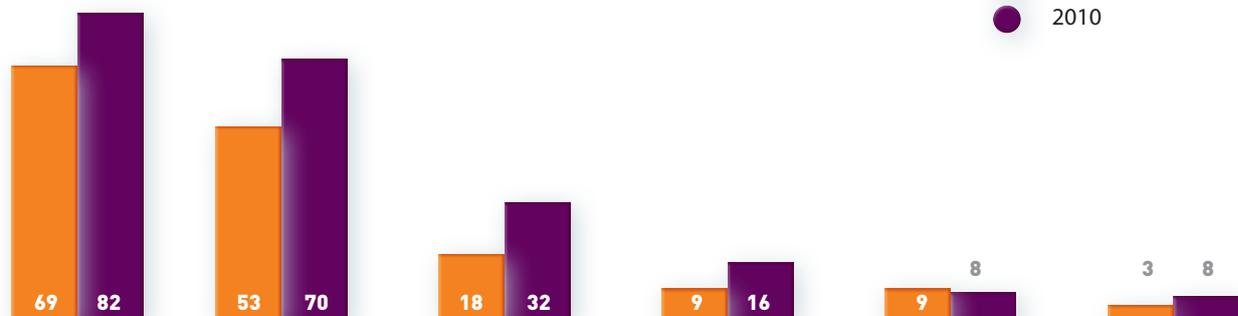

ПРИЛОЖЕНИЕ 9.

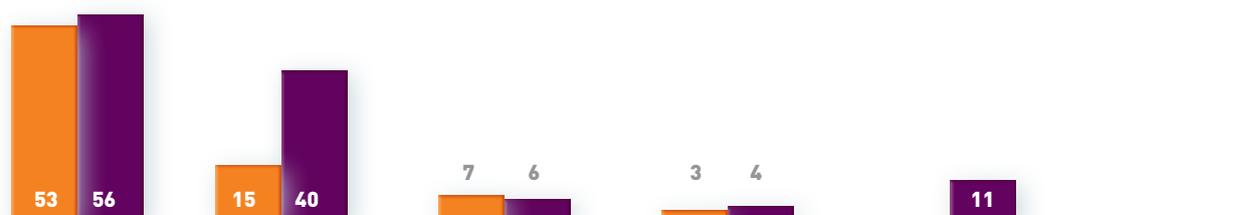
Рисунок 8. Собственная оценка знаний английского, эстонского и русского языка в возрастных группах

Владение эстонцев английским языком

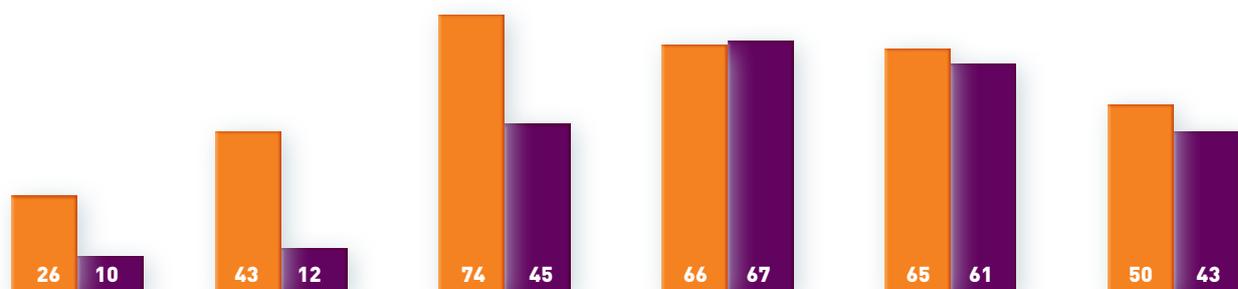
● 2002
● 2010

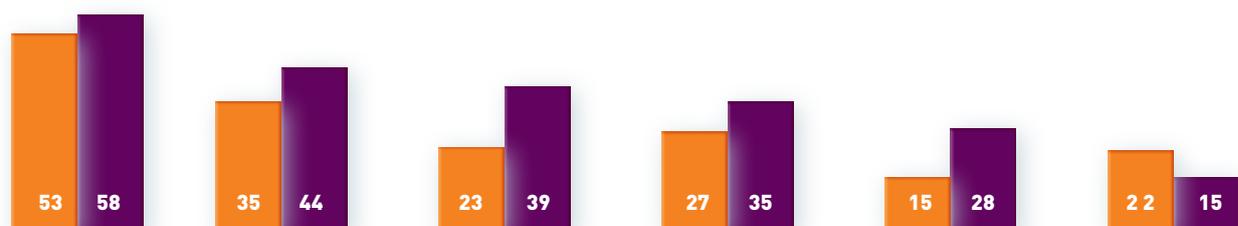
Владение русских английским языком

Владение эстонцев русским языком

Владение русских эстонским языком

15-19

20-29

30-44

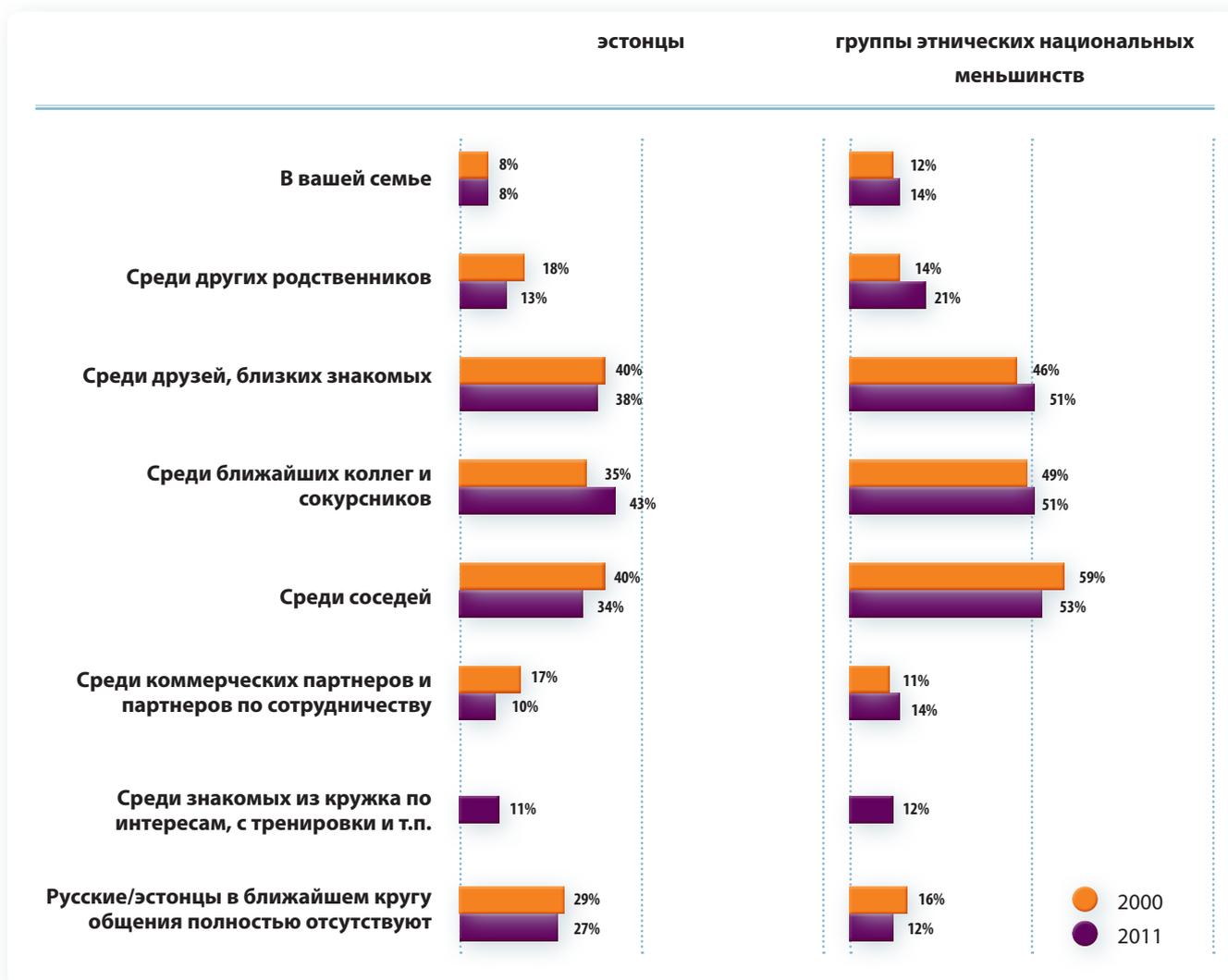
45-54

55-64

65-74

ПРИЛОЖЕНИЕ 10.

Рисунок 9. Наличие представителей других национальностей в кругу знакомых эстонцев; наличие эстонцев в кругу знакомых представителей групп этнических национальных меньшинств в 2000 и в 2011 годах

ПРИЛОЖЕНИЕ 11.

Таблица 1. Насколько хорошо Вы проинформированы о...

(% ответивших «Скорее хорошо» + «Очень хорошо»)

	всего ответивших	эстонцы	другие национальности	возраст		
				15-29	30-54	55-74
...о происходящем в месте Вашего проживания?	79	80	77	79	78	79
...о происходящем в Эстонии?	85	88	79	86	83	85
...о происходящем в России?	40	27	63	21	44	40
...о происходящем в Европейском Союзе?	53	50	58	50	54	53

ПРИЛОЖЕНИЕ 12.

Таблица 2. Люди с русским и иным родным языком: «Владеете ли Вы эстонским языком в достаточной степени, чтобы читать на нем газеты, следить за радио- и телевизионными передачами?» (%)

	все ответившие	возраст			образование		
		15–29	30–55	55–74	Ниже среднего	среднее	высшее
Не понимаю написанного в эстоноязычных газетах, а также радио- и телепрограммы	21	10	19	31	32	26	14
Понимаю частично	28	25	26	34	27	35	28
Понимаю в общем и целом	23	31	23	18	21	26	28
Да, все понимаю	28	34	31	17	20	13	29

ПРИЛОЖЕНИЕ 13.

Таблица 3. Люди с русским и иным родным языком: «Представьте ситуацию, что по всем медиа-каналам проходит дискуссия на тему ситуации с русскоязычными школами Эстонии и их дальнейшего развития. Насколько Вы будете доверять тому, что говорят на различных каналах?»

(рейтинг на основании % ответов «Доверяю в общем и целом» + «Доверяю полностью»)

	доверяют (доверяю в общем и целом + доверяю)	не доверяют (не доверяю совсем + особенно не верю)	не слежу
ПБК	69	18	10
Русскоязычные передачи в Эстонии	61	20	16
Русскоязычные газеты в Эстонии	56	20	21
Радио 4	54	14	29
Прочие российские телеканалы кроме ПБК	53	30	13
Русскоязычные новостные порталы в Эстонии	44	17	35
Эстоноязычные телепередачи	36	12	49
Российские новостные порталы	32	29	35
Эстоноязычные газеты	31	10	55
Эстоноязычные порталы	29	12	56
Российские газеты	28	25	44
Vikerraadio	19	6	69

ПРИЛОЖЕНИЕ 14.

Таблица 4. В какой степени Вы согласны с представленными ниже утверждениями?

(% ответивших “Полностью согласен”)

	все ответившие	эстонцы	иные национальности	возраст		
				15–29	30–55	55–74
Эстонскому государству следует пытаться уменьшить различие между инфопространством эстонцев и не-эстонцев	42	36	53	34	46	45
Эстоноязычным СМИ следует больше говорить о жизни не-эстонцев, их проблемах	29	22	43	22	29	45
Русскоязычным СМИ Эстонии следует основательнее сообщать о происходящем в стране, говорить о причинах происходящего	49	47	51	45	52	54
В эстоноязычных СМИ следует чаще давать слово местным не-эстонцам	27	19	41	22	26	32
В русскоязычных СМИ Эстонии следует чаще давать слово эстонцам	43	42	44	26	33	40

Poliitikauringute Keskus Praxis

Tornimäe 5, III korrus
10145 Tallinn
tel 640 8000
www.praxis.ee
praxis@praxis.ee

AS Emor

A. H. Tammsaare tee 47
11316 Tallinn
tel 626 8500
www.emor.ee
emor@emor.ee

Kultuuriministeerium

Suur-Karja 23
15076 Tallinn
tel 628 2250
www.kul.ee
min@kul.ee